

Обзорная статья

УДК 159.9+81'23+008

DOI: 10.15293/2312-1580.2302.02

**Соединяем пространства: лингвистика и психоанализ
о кросс-культурных исследованиях и проблемах перевода:
материалы заседания Всероссийского научного вебинара
по проблемам социальных и гуманитарных наук
с международным участием (28 января 2023 г.)**

**Шумков Андрей Арнольдович¹, Ульяницкая Любовь Александровна²,
Кошелева Жанна Викторовна³, Попков Юрий Владимирович⁴,
Анжиганова Лариса Викторовна⁵, Изгарская Анна Анатольевна⁶**

^{1,2}*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия*

³*Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В. П. Сербского, г. Москва, Россия*

^{4,6}*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии
наук, г. Новосибирск, Россия*

⁵*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия*

⁶*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. 28 января 2023 г. состоялось IV заседание Всероссийского научного вебинара «Соединяем пространства» с международным участием. Для обсуждения было представлено два доклада. С докладом «Российская Федерация в международном десятилетии языков коренных народов» выступили Л. А. Ульяницкая и А. А. Шумков. Л. А. Ульяницкая сообщила, что в России представлено 155 языков коренных народов, однако некоторые из них находятся на грани исчезновения. На основе анализа успешных случаев возрождения языков коренных народов, имеющих место в мировой практике, докладчики предложили ряд мер для изменения ситуации в России. А. А. Шумков описал проблемы и историческую динамику прибалтийско-финских языков на Северо-Западе России, указал на ее связь с политикой российского государства на разных этапах его существования, дал характеристику современного состояния языков и связал содержание доклада с проблемами перевода. Ж. В. Кошелева в докладе «Невыносимая легкость перевода в психоанализе», обращаясь к истории развития идей психоанализа, описала ряд механизмов психики человека и психоаналитические техники воздействия на нее, показала близость предметной области лингвистики и психоанализа. Данный ракурс позволил участникам вебинара увидеть проблему воскрешения «уснувшего» языка не только как социокультурную, обычно затрагивающую лишь аспект создания внешних условий для спасения исчезающих языков, но как психолингвистическую, что подразумевает учет внутриспсихических процессов.

Ключевые слова: лингвистика, психоанализ, языки народов России, негатив травмы психики, механизмы возрождения языка, государственная политика.

Для цитирования: Шумков А. А., Ульяницкая Л. А., Кошелева Ж. В., Попков Ю. В., Анжиганова Л. В., Изгарская А. А. Соединяем пространства: лингвистика и психоанализ о кросс-культурных исследованиях и проблемах перевода: материалы заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием (28 января 2023 г.) // СМАЛЬТА. 2023. № 2. С. 13–50. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2302.02>

Review Article

Connecting Spaces: Linguistics and Psychoanalysis About Cross-Cultural Studies and Problems of Translation: Materials of All-Russian Scientific Webinar with International Participation on the Problems of Social and Human Sciences (28 January 2023)

Andrey A. Shumkov¹, Lyubov A. Ulyanitskaya², Zhanna V. Kosheleva³, Yuri V. Popkov⁴, Larisa V. Anzhiganova⁵, Anna A. Izgarskaya⁶

^{1,2} *Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Saint Petersburg, Russia*

³ *V. Serbsky Federal Medical Research Centre of Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia*

^{4,6} *Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

⁵ *Katanov Khakass State University, Abakan, Russia*

⁶ *Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. On January 28, 2023, the IV meeting of the All-Russian Scientific webinar “Connecting Spaces” with international participation took place. Two reports were presented for discussion. The report “The Russian Federation in the International Decade of Indigenous Languages” was made by L. A. Ulyanitskaya and A. A. Shumkov. L. A. Ulyanitskaya reported that 155 indigenous languages are represented in Russia, but some of them are on the verge of extinction. Based on the analysis of successful cases of the revival of indigenous languages taking place in the world practice, the speakers proposed a number of measures to change the situation in Russia. A. A. Shumkov described the problems and historical dynamics of the Baltic-Finnish languages in the North-West of Russia, pointed out its connection with the policy of the Russian state at different stages of its existence, gave a characteristic the current state of languages and linked the content of the report with the problems of translation. J. V. Kosheleva in her report “Unbearable ease of translation in psychoanalysis”, referring to the history of the development of the ideas of psychoanalysis, described a number of mechanisms of the human psyche and psychoanalytic techniques of influencing it, showed the proximity of the subject area of linguistics and psychoanalysis. This perspective allowed the participants of the webinar to see the problem of the resurrection of the “fallen asleep” language not only as a socio-cultural one, usually affecting only the aspect of creating external conditions for the salvation of endangered languages, but as a psycholinguistic one, which implies taking into account intrapsychic processes.

Keywords: linguistics, psychoanalysis, languages of the peoples of Russia, negative mental trauma, mechanisms of language revitalization, state policy.

For Citation: Shumkov A. A., Ulianitskaia L. A., Kosheleva Zh. V., Popkov Yu. V., Anzhiganova L. V., Izgarskaya A. A. Connecting Spaces: Linguistics and Psychoanalysis About Cross-Cultural Studies and Problems of Translation: Materials of All-Russian Scientific Webinar with International Participation on the Problems of Social and Human Sciences (28 January 2023). *SMALTA*, 2023, no. 2, pp. 13–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2302.02>

Участники дискуссии

Анжиганова Лариса Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

Везнер Сергей Иванович – кандидат филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры права и философии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

Кошелева Жанна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, председатель Правления Московского общества психоаналитиков, Москва, Россия.

Нанжидмаа Хишигдулам – магистр филологических наук, преподаватель английского языка, Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия.

Овчинников Алексей Алексеевич – учитель истории и обществознания, Средняя общеобразовательная школа № 148, Купино, Новосибирская область, Россия.

Петропавловский Алексей Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладного психоанализа, Московский институт психоанализа, Москва, Россия.

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия.

Филиппов Сергей Иванович – кандидат философских наук, заместитель директора по общим вопросам Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия.

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Россия.

Авторы благодарят аспирантов и студентов НГПУ Н. Е. Лукьянова, Е. А. Гордейчик, И. Ф. Литошенко, А. Б. Дворкина, Н. В. Шарифуллина, А. Ю. Чуглаеву за запись и обработку аудиозаписи вебинара.

Изгарская А. А. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Начинаем работу нашего IV Всероссийского вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук «Соединяем пространство» с международным участием. Сегодня мы проводим заседание совместно с кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова-Ленина «ЛЭТИ» и Московским обществом психоаналитиков. Тема вебинара «Соединяем пространства: лингвистика и психоанализ о кросс-культурных исследованиях и проблемах перевода». Сегодня будет представлено два доклада. С докладом «Российская Федерация в международном десятилетии языков коренных народов» выступят кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков СПбГЭТУ «ЛЭТИ» Любовь Александровна Ульяницкая и доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков СПбГЭТУ «ЛЭТИ» Андрей Арнольдович Шумков. Далее с докладом на тему «Невыносимая легкость перевода в психоанализе» выступит кандидат психологических наук, доцент учебно-методического отдела Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, председатель Правления Московского общества психоаналитиков Жанна Викторовна Кошелева.

Коллеги из Санкт-Петербурга, предоставляю вам слово!

Шумков А. А. Уважаемые коллеги, здравствуйте! Спасибо организаторам за возможность выступить на вебинаре. Сегодня мы представим вашему вниманию социолингвистический доклад. Однако, прежде всего, я как участник вебинара, который уже принимал участие в работе, хочу вам представить коллегу Любовь Александровну Ульяницкую. Свою кандидатскую работу она защищала по теме языковых контактов. Любовь Александровна исследовала такую маленькую страну, как Бельгия, где тем не менее на сегодняшний день существует 14 языковых вариантов. Ей было интересно посмотреть отношение этих языковых вариантов, идиом. Впоследствии этот интерес перерос в то, что на нашей кафедре появился клуб коренных народов России. Клуб существует не первый год, состоялось очень много заседаний. Сформировался интерес к контактологии и к языковому многообразию народов Российской Федерации. Поэтому мы решили выступить с нашими общими идеями и результатами. Доклад будет состоять из двух частей. Первую часть доклада сделает Любовь Александровна, а вторую часть я сделаю сам, она будет о языках, которые ближе к нам, к Северо-Западу России, я буду говорить о прибалтийско-финских языках, которые еще пока достаточно сохраняются. Передаю слово Любви Александровне.

Ульяницкая Л. А. Спасибо, Андрей Арнольдович! Коллеги, присоединяюсь к словам Андрея Арнольдовича, я благодарна организаторам за предоставленную возможность выступить на вебинаре. Мы сегодня поделимся с вами своими идеями и результатами наших изысканий относительно языков народов Российской Федерации. Выбор темы не случаен. Генеральная ассамблея ООН объявила декаду 2022–2032 г. Международным десятилетием языков коренных народов мира, чтобы привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению многих языков, мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для сохранения этих языков, их поддержки, а в некоторых случаях – возрождения. Мы расскажем о языковой ситуации в России, о языковой политике российского государства, о различных организациях, которые занимаются продвижением этих языков. Затем мы сконцентрируемся на языках, которые близки нам территориально, их носители

живут на землях, которые рядом с Санкт-Петербургом и вокруг Ленинградской области, а именно на прибалтийско-финских языках Северо-Запада России.

Повестка ООН нашу страну касается напрямую, потому что, по данным последних переписей, население нашей страны говорит более чем на 250 языках. Конечно, существуют вопросы к результатам переписей, например в них указываются такие языки, как дагестанский или бельгийский. Однако если из имеющихся в переписях данных мы уберем несуществующие языки, а также языки, которые не имеют никакого отношения к коренным народам и языкам России, то мы получаем цифру – 155.

Несомненно, правомерным здесь является вопрос о том, каковы критерии, позволяющие определить, какие языки являются языками России. Есть три предлагаемых социолингвистами критерия. Во-первых, компактность проживания носителей того или иного языка. Должно быть не менее 20 % носителей в конкретном ареале, населенном пункте. Во-вторых, традиционность проживания в России людей, говорящих на этом языке. И в-третьих, доля от общего числа носителей языка в мире. Если, например, на территории, которая относится к России, больше 50 % носителей того или иного языка, то он причисляется к языкам России.

В России данной проблематикой занимается в первую очередь Институт языкознания Российской академии наук. Буквально в конце прошлого года их коллектив представил список языков России со статусами их витальности. Документ выложен на сайте Института языкознания РАН в открытом доступе [10]. Относясь с большим пиететом к работе коллег, должна отметить, что теоретическую часть нашего доклада мы основываем на их изысканиях.

Эти 155 языков, безусловно, имеют разную степень витальности (здоровья). Чувствуют себя эти языки совершенно по-разному. Я скажу метафорично, но думаю, что можно применить такой термин – статусы их «самочувствия» опираются на три фактора. Во-первых, на наличие носителей языка. Во-вторых, наличие коммуникации на этом языке. И что крайне важно – на межпоколенческой передаче этого языка. Вы видите на слайде некоторые примеры языков, которые относятся к тому или иному статусу их витальности. Так, у нас в России есть «засыпающие языки». Для таких языков характерна ситуация, когда его носители не используют язык в повседневной жизни, количество носителей исчисляется от 1 до 40. Это такие языки, как чулымский, водский, ижорский, тундровый энецкий. Выделяют статус «прерванные языки», количество носителей от 10–5000 человек, к таким относят: кетский, нанайский, коми-язьвинский. Далее «прерывающийся статус» – от 100 до 50000 носителей. В данной ситуации межпоколенческая передача языка сохраняется на небольшой территории, составляющей незначительную часть от всего ареала распространения языка. Выделяют также: «локализованные», «ограниченные сельские», «ограниченные городские», «стабильные», «благополучные». Статусы присваивают в зависимости от количества носителей языка, от наличия регулярной коммуникации на языке, и что особенно важно – от наличия его межпоколенческой передачи. Иными словами, важно, говорят или нет на этом языке дети. Статус «стабильный» у нас в стране имеет только один язык – русский жестовый (меньше 5 млн носителей), который отнесен к языкам России. Из всего многообразия языков России к статусу «благополучные» относится только один язык – русский (больше 5 млн носителей). Все остальное языковое многообразие в нашей стране немного «болеет». Самые печальные статусы витальности – «исчезнувшие» и «заснувшие» языки. Некоторые ученые говорят о «мертвых языках» или «умерших», однако со-

циолингвисты не любят этот термин. «Заснувший» язык для них предпочтительнее, так как дает надежду, что язык еще можно возродить. На сегодняшний день в России 15 языков имеют статус «исчезнувшие» или «заснувшие».

На слайде вы видите скриншот Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения (ЮНЕСКО) [17] (рис.). Черным цветом помечены языки, которые исчезли. Обратите внимание, что аутентичное название атласа указывает лишь на то, что языки находятся в состоянии опасности, в то время как в русском переводе мы с необходимостью используем словосочетание «угроза исчезновения», что звучит с более тревожным, отрицательным акцентом. Может быть, стоит как-то по-другому переводить, оставляя надежду на возрождение языков. Если они исчезли, это не значит, что они исчезли навсегда.

Рис. Уровень жизнеспособности языка, согласно «Атласу языков мира, находящихся под угрозой исчезновения». Исчезающие языки России

Атлас показывает разные статусы: «уязвимый», «под угрозой», «серьезно уязвимый», «критически уязвимый». Если попытаться соотнести с ними языки России, то нам нужен источник эмпирических данных. Мы не можем опереться на перепись 2020 г. Многие коллеги-социологи утверждают, что ей нельзя доверять. Поэтому мы используем результаты переписей 2002 г. и 2010 г. Опираясь на них, мы можем увидеть сокращение носителей за период 2002–2010 гг. В группу «уязвимые» вошли такие языки, как башкирский (в 2002 г. носителей было 1 379 727, в 2010 г. стало 1 152 404), якутский (456 288 – 450 140), адыгейский (129 419 – 117 489). Статус «под угрозой» имеет хакасский язык (52 217 – 42 518). Статус «серьезно уязвимые»: вепский (5 753 – 3 613), селькупский (1 641 – 1 023), ижорский (362 – 123). «Критически уязвимые»: мансийский (2 746 – 938), юкагирский (604 – 370), водский (774 – 68). Ни у одного языка мы не видим прироста носителей. Наоборот, мы видим их сокращение. Прироста нет.

Что же делать? Как помочь языкам? Во-первых, надо понимать, что происходит с языком, какова степень его «самочувствия» и «болезни». Что предлагают в этом отношении делать и делают социоллингвисты? Безусловно, необходима документация языков, особенно тех, которые скоро могут «заснуть». Необходимо как можно больше зафиксировать о них фактов, необходимо провести аудио-, видео- и письменную фиксации. С этими целями проводится полевая работа с языковым сообще-

ством. Ученые и активисты пытаются создать условия для овладения языком. Организуется поддержка его использования, передача языка детям, что самое главное. Необходимо, чтобы дети становились носителями наших коренных языков. Далее крайне важно развивать языковую инфраструктуру, расширять сферу использования языка, необходимо сделать все, чтобы он не ограничивался только сферой бытового общения. Например, крайне важно развивать сферу образования на этих языках. Для существующих языковых практик необходимо формировать соответствующую законодательную базу. Иными словами, учеными предлагается целый ряд мер, которые могут помочь этим языкам. Для всего этого необходима соответствующая политика государства, она должна выражаться в языковых реформах, в языковом планировании, выстраивании долгосрочной стратегии, а у нас в стране этого не так много.

В условиях многоязычной страны языковая политика может вестись в диаметрально противоположных направлениях. Она может или стремиться к языковой унификации, например как это происходит в Латвии, Эстонии, Франции – одна страна, одна нация, один язык. Или, наоборот, политика может быть направлена в сторону поддержки этих языков, как это сделали, например, в Финляндии, Швейцарии, Бельгии.

Что же происходит в нашей стране? Какая существует реальная политика в отношении языков в России? Официально политика у нас направлена на поддержку многоязычия. Однако на самом деле предпринимаемые меры не просто недостаточны, они приводят к сокращению количества носителей языков. Например, последняя ситуация, из-за которой переживают все сообщества, занимающиеся поддержкой языков. 38 языков в России имеют статус государственных. Раньше все школьники, обучающиеся в национальных республиках нашей страны, должны были осваивать язык титульной нации, например в Бурятии – бурятский, в Татарстане – татарский. В школах преподавался предмет, он и сейчас есть – «Родной язык и литературное чтение». В 2018 г. было официально закреплено добровольное изучение национального языка. Начиная с 2018 г. каждый родитель пишет заявление, в котором он выражает согласие на изучение ребенком данного предмета. Родители должны выбрать между русским языком и местным языком республики. В республиках за частую население русскоязычное, большинство людей не принадлежат к коренным народам. Родители требуют добавить в обучение детей уроки русского языка. Это ведет к сильному сокращению количества учеников, которые в школе осваивают национальные языки. В интернете можно найти примеры родительских заявлений. Одни родители полностью требуют исключить из обязательной программы предмет «Родной язык и литературное чтение». Например, родители требуют исключить предмет «Татарский язык и татарская литература» и настаивают, чтобы ребенок изучал дополнительно русский язык и русскую литературу. В другом примере отражена диаметрально противоположная ситуация. Родитель в заявлении пишет: «Я башкир, дети мои башкиры, все мы живем в Башкортостане, почему мы должны изучать свой родной язык по заявлению?» Он настаивает, чтобы его дети изучали башкирский язык. Иными словами, вопрос о приоритете языка не имеет одного варианта решения у жителей республик. Возникающие противоречия приобретают политическое звучание. На слайде вы видите фото участников демонстраций. Одни российские граждане требуют изучения в школах татарского языка: «Раз живешь в Татарстане – учи татарский». Другие, как правило выходцы из русских семей,

русские по происхождению, выдвигают другие требования. На фотографии вы видите человека с портретом А. С. Пушкина и надписью: «Шесть часов татарского, и три часа русского в школах Татарстана – это нормально?» Еще фотография, печальный молодой человек с плакатом: «Требуем преподавания русского языка как родного». Иными словами, ситуацию нельзя назвать благополучной. Совсем недавно наши коллеги из Института языкознания РАН, Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Института лингвистических исследований РАН и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН представили Концепцию языковой политики Российской Федерации, разработанную по поручению Президента Российской Федерации. В данном документе дана оценка языковой ситуации в нашей стране, обозначены механизмы обеспечения права народов Российской Федерации на сохранение языка, кодификацию языка, названы общественные организации, которые занимаются поддержкой языков коренных народов России и т. д. Документ очень серьезный, осталось только дожидаться, когда это все будет принято и начнет активно работать.

Опираясь на мировую практику, необходимо отметить, что большое значение в деле сохранения национальных языков имеет деятельность активистов, которые начинают действовать, не дожидаясь официальных распоряжений, каких-то новых законов, присвоения официальных статусов языкам. Чем занимаются активисты? Безусловно, они пропагандируют двуязычие/многоязычие, потому что владение одним языком на сегодняшний день постепенно становится для населения планеты Земля исключением. Большинство стран в современном мире являются двуязычными или многоязычными. Такие активисты взаимодействуют с языковыми сообществами. Они едут к носителям языка, разговаривают с ними, объясняют значимость их языка. Широкое распространение получили так называемые программы «мастер – ученик». Создается ситуация, когда носитель языка проводит мастер-класс, обучает одновременно участников и некому ремеслу, и языку. Действенным является метод «языковых гнезд». В небольших детских группах, устроенных по примеру детского сада, с ребенком общаются только на одном конкретном языке. Благодаря языковым гнездам финны смогли возродить инари-саамский язык. Этот язык был полностью утрачен на территории страны, но благодаря языковым гнездам был воссоздан. Активисты создают контент в сети Интернет, поддерживают контакты между сообществами, развивают языковые клубы. Мы живем в цифровую эпоху, на слайде вы видите клавиатуру и электронный словарь для удмуртского языка, тувинско-русский электронный переводчик и т. д.

Наш Клуб языков коренных народов России влился в сообщество активистов. Нам, конечно, далеко до мэтров, которые делают очень важные вещи для сохранения языков. Мы проводим собрания, на которых ребята и девочки рассказывают о своих республиках, о своих языках, сами начинают потихоньку эти языки учить, делиться результатами. Мы поддерживаем друг друга потому, что учить национальные языки очень сложно. В отличие от тех, кто учит английский язык, нашим ребятам тяжело найти учебные пособия. Такого широкого выбора учебных пособий, который существует для изучения любого, например, европейского языка, здесь не существует. Ребята пишут научные статьи, дипломы, курсовые, учатся документированию языков. Большую роль в изучении национальных языков и научной работе играют наши лингвистические экспедиции. Например, в прошлом году мы съездили в четыре лингвистические полевые экспедиции. Мы были в Дагестане, Бурятии,

Карелии и в Республике Коми. У нас есть небольшая группа, но мы являемся командой, которая проявляет себя в реальном деле, работая с носителями языка. Мы собрали большой материал, что-то уже смогли проанализировать, часть материала продолжаем расшифровывать, исследовать.

На нашей кафедре ведется разработка теории переключения кодов в парах «национальный + русский язык». Экспедиции дают нам прекрасный языковой материал для выявления таких пар. Мы изучаем переключение кодов во время спонтанной речи, пытаемся выяснить модели, какие-то повторяющиеся шаблоны, которые могли бы быть универсальными для всех языков, где может происходить такое переключение кодов. Ну и самое главное, что ребята начинают серьезно интересоваться реальными проблемами языков, наукой. Очень важно и то, что занятия в нашем клубе помогают ребятам осознать свою идентичность. Среди нас есть девочка-карелка Вика Иванова, она всю жизнь прожила в Карелии и только благодаря нашему клубу поняла, что она карелка! Она утверждает, что стала ощущать себя как карелка и начала сама учить этот язык. Интересно наблюдать, как в них просыпается такое самоощущение, открывается их идентичность.

Про национальные языки на территории Ленинградской области, а у нас множество языков коренных народов, расскажет Андрей Арнольдович. Передаю ему слово.

Шумков А. А. Добрый вечер, дорогие коллеги. Я продолжу наш доклад и расскажу про языковую ситуацию в Петербурге и вокруг Петербурга.

Для исследования любого языка очень важно знать, есть ли на нем письменные памятники. Если таковые имеются, то необходимо знать, какого рода была письменность. И тут мы должны быть благодарны Кириллу и Мефодию, трудами которых в IX в. появились славянские азбуки. Самый первый документ, который доносит до нас древнее прибалтийско-финское языковое состояние – Новгородская берестяная грамота № 292. Она составлена на кириллице, в ней всего три строки, они написаны на олонцеком диалекте карельского языка. Документ этот датируется XII в., он был обнаружен в 1957 г. во время археологической экспедиции Артемия Владимировича Арциховского. Самое первое состояние прибалтийско-финской письменности – кириллица. В докладе я к кириллице буду возвращаться неоднократно, потому что прибалтийско-финские языки, кроме самых крупных, а именно финского и эстонского, прибегали к использованию кириллического алфавита. Что же касается самой первой прибалтийско-финской рукописной записи на латинице, то она датируется 1450 г., и сделана запись на старофинском языке. Примерно через сто лет, около 1543 г., появилась первая печатная книга. Этой книгой был букварь, который был составлен финским лютеранином, просветителем Микаэлем Агриколой, переводчиком Библии и других богословских текстов. М. Агрикола является основоположником литературного финского языка.

Необходимо отметить, что с финским языком ситуация была не совсем простой. В самой Финляндии он начал формироваться вполне самостоятельно лишь с 1831 г. До этого на него огромное влияние оказывали шведский язык и латынь. В 1831 г. было создано общество финской литературы, стали складываться благоприятные условия для развития художественного слова и собирания фольклора. Только в 1857 г. появилась первая финноязычная средняя школа, а равноправное использование финского и шведского языков относится лишь к 1902 г.

Можно задать вопрос, почему мы так много говорим о финском языке, когда, казалось бы, должны говорить про Северо-Запад Российской Федерации? Дело в том, что после того, как в XVII в. огромная часть этой территории отошла Швеции, местное прибалтийско-финское население, а здесь и карелы, и вепсы, и воль, стало вытесняться финнами, которые были присланы на эти территории шведами. В результате получилось, что два народа оказались на территории Ингрии – савакоты и эвремейсы. На слайде желтым показана область расселения ингерманландцев (ингерманландских финнов), савакоты выделены зеленым – огромные территории, которые заняли этнические финны. Хотя, конечно, за те три столетия, которые прошли с момента переселения, ингерманландский финский очень сильно отошел от литературного финского. В конечном итоге, когда в СССР стали проводить политику создания национальных письменностей и преподавания национальных языков в школах, ингерманландский финский достаточно сильно отличался от языка Финляндии, ставшей независимой в 1917 г.

Не следует забывать, что судьба финского языка во всех его вариантах (что в Ленинградской области, что в Карелии) оказалась плачевной. Поскольку за семьдесят лет советской власти число носителей сократилось в 30 раз. Сейчас этнических финнов осталось примерно 5 000 человек. Причиной тому стали сталинские репрессии и политика геноцида, которая продолжалась вплоть до начала перестройки. К сожалению, еще большой урон случился в 1990-е – 2011 гг., когда в Финляндию уехало 30 000 человек по праву национальности. Что касается Карелии, то там в начале XX в. финский язык тоже активно внедрялся, не без влияния так называемых красных финнов. Финский язык стал использоваться в качестве литературного языка в Карелии, поскольку письменности для карельского и водского языков еще не было создано. Вплоть до 1956 г. этот язык в разной степени преподавался в карельских школах.

Теперь несколько слов скажу про эстонский язык, который с первого взгляда мало имеет отношения к Российской Федерации. Однако мы не можем обойти вниманием южные диалекты финского языка. На территории России живут представители народа сету, которые говорят на одном из диалектов эстонского языка. С эстонским языком ситуация вполне благоприятная, поскольку это государственный язык Эстонии. В отношении эстонского языка было много исследований. Первые памятники датируются XVI в. Так, 1520 г. датируется Кулламааская рукопись. В этот период издавались религиозные тексты, сначала католического толка, а потом лютеранского. В 1648 г. была составлена первая эстонская грамматика. На эстонском языке активно развивалась художественная литература, в том числе стараниями Кристьяна Яака Петерсона. Благодаря поддержке эстонского языка со стороны эстонских политиков и лингвистов мы имеем хорошее описание языка сету. Этот народ оказался разделен границами. 15 000 носителей оказались в Эстонии, 5 000 носителей – в России, где язык сету до сих пор можно услышать в Печорском районе Псковской области.

Сделаю несколько замечаний по поводу ливского языка, который территориально не имеет отношения к Российской Федерации. Однако, как ни странно, до 1990 г. несколько человек по результатам различных опросов в России причисляли себя к носителям ливского языка. Ливский язык ныне считается мертвым. Ливы – прибалтийско-финский народ, но географически они располагались на территории Латвии. Некоторые латышские лингвисты сейчас говорят, что возможно латышский язык явился результатом смешения литовского и ливского языков и, конечно,

воздействия латгальского языка, который расположен ближе к территории России. Ливский – один из языков Прибалтики, поэтому сейчас, памятуя об ограниченной теме нашего сообщения, много о нем говорить не будем.

Что же касается карельского языка, то тут мы возвращаемся к кириллической письменности. Она использовалась и в Новгородской грамоте, и в других рукописных источниках. Первой печатной книгой для карелов было Евангелие от Матфея, изданное в 1820 г. на кириллице. С 1931 г. начинается конкуренция кириллической письменности с латинским алфавитом. В настоящее время это обстоятельство играет специфическую роль, поскольку карельский язык на латинице по российским законам не может получить статус государственного языка, в России это совершенно невозможно. Карельский язык имеет для прибалтийско-финских языков особое значение. Так, например, знаменитый финский эпос «Калевала» в немалой его части был записан на территории Карелии, в 1849 г. полный текст был опубликован Э. Лённротом. Карельский язык представлен тремя диалектами: карельским, ливвиковским и людиковским.

Отдельно остановимся на диалекте тверских карел, которые оказались неподалеку от Москвы еще в XVII в. в связи с переселением на их исконные территории ингерманландских финнов. Здесь важно учесть религиозный момент. Прибалтийско-финские народы России – исконно православные, а ингерманландские финны принесли с собой лютеранство, возможно, это и явилось причиной переселения карел на тверские земли. Тверской диалект карельского языка существует до сих пор.

В карельской истории были переходы карельского языка с латиницы на кириллицу. Так, с 1931 по 1937 гг. использовалась латиница. В 1937 г. был предпринят переход на не совсем удачно разработанную кириллицу. К 1940 г. преподавание и карельского, и вепского языков вовсе прекратилось. После образования Карело-Финской ССР по окончании Советско-финской войны на территории Карелии снова был введен только один финский язык.

Скажу пару слов о таком языке, как вепский. Вепский занимает не такую большую территорию, он имеет отношение и к Карелии, и немного к Ленинградской области. Вепский язык изначально записывался кириллицей. Об этом свидетельствует «Олонецкий сборник» конца XVII в. Первое научное описание было сделано Э. Лённротом. Однако, что касается истории языков Карелии, то здесь надо назвать имена двух ученых, которые в начале XX в. много сделали для этих языков, – Дмитрий Владимирович Бубрих и Матти Хямляйнен.

Что касается нынешнего состояния, то необходимо отметить, что официально прибалтийско-финские языки составляют подгруппу финно-волжской группы финно-пермской подветви финно-угорской ветви в уральской языковой семье, к северным вариантам относятся: финский карельский, вепский, ижорский. К южным: эстонский (с близким к нему языком сету), водский и ливский языки. Число носителей прибалтийско-финских языков России катастрофически снижается. Если финский язык в Финляндии представлен порядка 5,5 млн носителей, эстонский – 1 млн, то карельский – 35 тысяч носителей, и только 15 тысяч проживают в Карелии. В отличие от многочисленных периодических изданий на финском и эстонском, существуют только одна карельская газета и один карельский журнал, но и тот издается в Финляндии. «Общество карельского языка» также является финским. Оно начало действовать с 1995 г., и надо сказать, что в этих изданиях используется олонецкий (ливвиковский) диалект, т. е. фактически вариант новгородских грамот. В Россий-

ской Федерации с 1996 г. в Тверской области существует газета на тверском диалекте карельского языка. Что касается других языков на территории Российской Федерации, то здесь неутешительные цифры. Примерно 150 носителей ижорского языка, примерно столько же сету. В Эстонии не более 10 тысяч носителей сету. Водский язык практически полностью исчез, осталось всего несколько человек, им владеющих. Последний носитель ливского языка скончался в 2013 г. Этот язык, как сказала Любовь Александровна, «заснул».

Где исследуются прибалтийско-финские языки? Конечно, в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, в Петрозаводском государственном университете, в Карельской государственной педагогической академии, в Институте лингвистических исследований РАН, в Санкт-Петербургском государственном университете, в Тверском государственном университете.

Очень много появляется профессиональных и любительских обществ, изучающих прибалтийско-финские языки, а также обществ, которые ратуют за какие-то политические перемены. Например, есть сторонники идеи проведения референдума за преобразование Ленинградской области в Республику Ингрию.

Я хотел бы сказать, что волею судеб в эти дни мы находимся в преддверии важнейшего для Санкт-Петербурга события. 30 января, буквально через пару дней, состоится премьера спектакля «Молчание» венгерского драматурга Милоша Хубаи. Спектакль поставлен только что возрожденным финским театром. До настоящего времени спектакли на прибалтийско-финских языках – финском, карельском и вепском – можно было увидеть только в национальном театре Карелии в Петрозаводске. Финский театр имеет давнюю историю в Петербурге, он существовал до 1937 г. В Театральной библиотеке Петербурга огромное количество материала, посвященного финскому театру.

Что касается поддержки прибалтийско-финских языков, то мы можем сослаться на Закон Республики Карелия от 19 марта 2004 г. «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в республике Карелия» [3]. И видимо, не без помощи этого Закона в 2009 г. создан компьютерный лингвистический корпус «ВепКар» (правда, только в отношении карельского и вепского). В 2017 г. он в открытом доступе. С 2009 г. работа ведется Ниной Григорьевной Зайцевой. Она замечательный человек, заведующий сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Нина Григорьевна родом из вепской семьи. Она перевела на вепский язык Библию, и эпос «Калевала». Н. Г. Зайцева является членом редколлегии таких финно-язычных российских изданий, как «Карелия», «Кипиня» («Искорка»). Теперь в изначально финноязычных изданиях публикуются материалы на карельском и вепском языках.

Большое спасибо за внимание.

Изарская А. А. Спасибо, Любовь Александровна! Спасибо, Андрей Арнольдovich! Пожалуйста, коллеги, задавайте вопросы. Юрий Владимирович Попков, пожалуйста!

Попков Ю. В. Спасибо, коллеги, за доклад! Очень полезная информация конкретного плана, с которой в жизни мне практически не приходится сталкиваться. У меня два вопроса. Первый: какие вы видите проблемы перевода? И второй вопрос: два подряд объявленных ООН Международных десятилетия коренных народов мира закончились в 2014 г. Известно ли вам, чем они закончились, подведены ли итоги, и как вы думаете, чем закончится это Международное десятилетие языков коренных народов мира? Спасибо.

Шумков А. А. Юрий Владимирович, спасибо за вопросы. Начну отвечать на первый вопрос, а на второй вопрос ответит Любовь Александровна. Если мы, используя возможности, которые нам дает современное общество и компьютерные программы, примемся заниматься переводом самых разных произведений на языки Северо-Запада, например прибалтийско-финские, то можно задать вопрос относительно таких народов, как ижора, воль, вепсы, карелы – надо ли за основу брать кириллическую письменность, а может и тот, и другой алфавит? Я упомянул – первые переводы, конечно, все были сделаны на кириллице. И можно поставить вопрос о том, должна ли письменность особым образом презентовать автохтонные языки, отличая их от языка ингерманландских финнов. Вот, скажем, при переводе, к чему будут склоняться переводчики? Что касается литераторов и поэтов, на вепском языке, например, есть произведения, написанные и кириллицей, и латиницей. Опять же вопрос о точности фонетической. Когда в Карелии были разногласия в отношении финского, карельского, вепского языков, там началась настоящая борьба, и Д. В. Бубрих, и М. Хямляйнен защищали необходимость преподавания карельского и вепского языков, в том числе на латинском алфавите. Однако правительство Карельской АССР больше ратовало за финский. Далее, когда мы говорим о создании переводных произведений на исконных языках Северо-Запада. Следует задать вопрос, как должен происходить этот перевод, и если он происходит сейчас, то как можно оценить результат этого перевода? Вообще, если мы будем знать, как развивались эти языки, каково их современное состояние, то мы можем примерно понимать, как действовать тем же самым языковым активистам, которые занимаются переводом на эти языки. Вот мой ответ, сейчас Любовь Александровне передаю слово.

Ульяницкая Л. А. Юрий Владимирович, мы сконцентрировали свое внимание на языках относительно Международных декад коренных народов мира. Мне, прежде чем отвечать на Ваш вопрос, надо посмотреть материал. 2019 г. был объявлен ЮНЕСКО Международным годом языков коренных народов. Он ничего не принес, ничего не изменил. Проблема еще в том, что, когда говорят про языки коренных народов, очень часто возникает путаница, в результате которой подмена проблем языков проблемами культур коренных народов. Все сводится к проведению различных культурных мероприятий, направленных на демонстрацию культурной принадлежности, культурной идентичности. Например, организуются различные танцевальные, песенные мероприятия, часто проводятся мероприятия, связанные с костюмами. Однако они никак не связаны с языками! Поэтому никаких хороших результатов пока не было. И вот снова объявлено десятилетие языков коренных народов... Вы спрашиваете, какие возможны прогнозы, что это десятилетие может принести хорошего? Оно может дать положительный результат, может принести долгожданные плоды, если программа по поддержке языков, разработанная командой во главе с коллегами из Института языкознания РАН, вступит в силу! Если будет оказана реальная поддержка, например увеличено количество часов изучения языков в школе, если будут мотивированы учителя, преподаватели набирать детей в такие классы и работать с ними. Необходимо создавать радиовещание, телевидение, газеты на этих языках. Вот это может помочь сохранить языки. А если все опять скатится в какие-то разговоры, конференции, в обсуждение костюмов и культурных особенностей, то тогда это десятилетие ни к чему не приведет.

Хишигдулам Н. Спасибо большое за интересный доклад. Мне бы хотелось узнать, сколько из этих 155 языков относится к категории «уснувших» и сколько к категории «безопасных»? Если такие данные есть, поделитесь, пожалуйста. И другой вопрос. Русский язык относится к какой языковой группе, монгольский, например, относится к алтайской группе. Если вы сделали такое исследование, то к каким группам относятся эти 155 языков? Спасибо большое!

Ульяницкая Л. А. Да, спасибо большое за Ваши вопросы. Четырнадцать семей. Сходу я могу сказать, что 15 языков в России имеют статус «исчезнувшие» или «заснувшие», но они не входят в эти 155. Иными словами, у нас 155 и еще 15 языков. Существует перечень всех языков, но мы сейчас не будем отнимать время у коллег и все подсчитывать. Я Вам отправлю ссылку, и можно будет заняться такими подсчетами. К каким группам относится эти 155 языков, сходу я сказать не могу. Такие данные существуют. Русский – это славянский язык. Он относится к индоевропейской группе. Всего у нас в России представлено 14 языковых семей. Вот! Простите, что без точных цифр, но я могу посидеть, посчитать, если Вам интересны точные числа, и попозже Вам дать ответ. Или могу Вам дам ссылку на этот документ, в котором перечислены все языки России.

Хишигдулам Н. Хорошо. Спасибо большое.

Везнер С. И. Здравствуйте! Спасибо за интересный доклад. Со многими фактами я познакомился впервые. Хочу задать такой вопрос, можно ли выявить факторы успешного развития таких языков. Вы приводили пример с финским языком во второй половине XIX в. Если я правильно понимаю, было своего рода возрождение языка. А какие там были факторы? Какие факторы способствовали этому возрождению? И в современной ситуации может быть какие-то еще факторы есть?

Шумков А. А. Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо опять же разделить область функционирования финского языка – это нынешняя Финляндия или территория Ингерманландии в России? Следует отметить, что в середине XIX в. многие страны политически получили шанс на независимость, и это способствовало успешному развитию языков. Например, Бельгия в 1830 г. получила независимость. В Великом Княжестве Финляндском примерно с 1850 г. ситуация с финским языком стала заметно улучшаться. Уже можно было на нем вести какое-то делопроизводство, использовать его на работе и т. д. Это объяснялось послаблениями, на которые пошла Швеция, а с 1902 г. установилось совершеннейшее равноправие. Мы, кстати, можем немножко похвастаться тем, что до революции в царской России у финского языка были весьма благоприятные условия. В той же Ингерманландии финнам было довольно уютно, потому что было разрешено лютеранское богослужение. Минимум тридцать лютеранских приходов было по всей территории современной Ленинградской области. Были великолепные органы в кирхах. Потом, конечно, все это погубило, было разрушено. Но тем не менее первые финно-язычные школы появились на финских территориях во времена Российской империи, а не в шведской Финляндии. Поэтому политическая составляющая является весьма значимым фактором. В период советской власти с финским языком были очень интересные перипетии. Красные финны, собиравшиеся устроить революцию в Финляндии, естественно, ратовали за то, чтобы в Карелии (и в Ленинградской области) обязательно преподавался финский язык, и этот язык получил должную поддержку. Переход на латиницу тоже связан с финским языком, я имею в виду переход карельского и вепсского языков. В 1937 г., когда перспективы отношений между Советским Союзом

и Финляндией стали туманными, все это было ликвидировано. Были введены алфавиты на кириллице. В 1940 г. вообще все прекратилось, прекратилось преподавание и карельского, и вепского и тем более ингерманландского финского. Ну и конечно, весь этот период отмечен чудовищными репрессиями, которым подверглись около полмиллиона человек. И не только от действий советской власти, но и финской власти, и немецкой (фашистской) власти. Сейчас ситуация катастрофическая и в отношении финского языка, и в отношении карельского языка, и в отношении вепского. Нельзя сказать, что ничего не делается, что-то делается. Что делается, вот об этом мы и пытались рассказать. Спасибо!

Ульяницкая Л. А. Я выделю еще два фактора. Первый фактор – это передача языка детям. Необходимо, чтобы бабушки, дедушки, родители говорили с детьми на этом языке, и, конечно, через создание языковых гнезд. И второй фактор – расширение функционала языка. Необходимо создать условия, которые помогут пользоваться языком не только в качестве бытового, но и в сфере образования, и в сферах профессиональной деятельности, и в области судопроизводства. Надо, чтобы люди могли в суде защищать свои интересы на своем родном языке и чтобы их не просили перейти на русский.

Везнер С. И. А у финнов, которым удалось возродить язык во второй половине XIX в., эти три фактора были? У них, я так понял, было богослужение, делопроизводство и школы. Вот эти три фактора.

Шумков А. А. Да в Российской империи было лучше, чем в шведской Финляндии.

Прошин В. А. Уважаемые коллеги, спасибо за доклад. Было очень интересно вас слушать. Меня интересуют некоторые сибирские народы, некоторые европейские народы имеют корни в Сибири, в частности нганасаны и манси. Но вот сегодня на территории Сибири каким образом обстоят дела у нганасанов, у манси? Спасибо.

Шумков А. А. Мы хотели немножко больше дать цифр по поводу вообще уральской языковой семьи. Венгерский язык у манси, у нганасанов. Это, конечно, тоже все уральская языковая семья. Вы знаете, наверное, это тема отдельного доклада. Как обстоят дела у языков этих народов? А вот так – плохо. Дела обстоят также, как и с языками прибалтийско-финских народов. В основном эти языки выживают за счет деятельности языковых активистов.

Ульяницкая Л. А. Да, ну вот посмотрите, открываем таблицу классификации статусов витальности, мансийский – 2В [10, с. 10], язык нганасан – 2А [10, с. 10]. Это значит, что для данных языков существует очень большая угроза, к сожалению. Межпоколенческая передача прервана на всем ареале сообщества, 2В означает, что язык сохраняется на небольшой территории и существует небольшое количество носителей.

Черных С. И. Уважаемые коллеги, спасибо большое за такой интересный доклад. Жалко, что так мало поговорили о Сибири и уральской группе языков. У меня короткий вопрос. Есть федеральная власть, а есть региональные власти. Региональные власти вкладывают что-то в развитие и сохранение языков коренных народов? У них есть на это средства? У них есть в этом интерес? Мы же знаем, что высший эшелон в региональных властях представляет собой русскоязычный конгломерат. А национальный конгломерат, он какой-то интерес в этом деле имеет?

Шумков А. А. Спасибо за вопрос. Хочу отметить, о Сибири можно говорить бесконечно. Мы сосредоточились на прибалтийско-финских языках потому, что ими непосредственно занимаемся. В Петербурге и вокруг нас расположены прибалтий-

ско-финские языки. Мы большой акцент сделали на тех языках, которые нас окружают. Например, Любовь Александровна говорит на ижорском. А что касается поддержки региональных властей, то Любовь Александровна видит ситуацию лучше, поскольку совершает экспедиционные поездки со своим клубом по Ленинградской области, и может сказать об этом несколько слов.

Ульяницкая Л. А. Тут все неоднозначно. И Ваш комментарий о том, что даже в регионах места в правительстве зачастую занимают русскоязычные представители, очень справедлив. И этим русскоязычным представителям, говоря простым языком, до языков коренных народов особого дела нет. Более того, есть прецеденты, когда русскоязычная «элита» выступает за продвижение русского языка в республиках только из-за банального нежелания самим освоить еще один язык. Создается ощущение, что в регионах действуют по пути наименьшего сопротивления официальной политики государства. Если официальная политика государства направлена на поддержку русского языка, то в республиках занимаются поддержкой русского языка, и тут, скорее, большую роль играет инициатива, исходящая снизу, например от директоров школ.

Изгарская А. А. Коллеги, буквально одну ремарку хочу добавить. Я должна сказать, что наши докладчики составили анонс, а я делала объявление, и там четко было сказано, что будут представлены прибалтийско-финские языки на Северо-Западе Российской Федерации. Наши докладчики не отвечают за все языки России, не отвечают и за языки коренных народов Сибири.

Ульяницкая Л. А. Но мы бы хотели отвечать за все!

Шумков А. А. Да, мы бы хотели! И сибирская ситуация исключительно притягательна.

Филиппов С. И. Спасибо, уважаемые коллеги, за интересный доклад. У меня вопрос по истории возрождения финского языка в Российской империи во второй половине XIX в. Известно, что имперская администрация поддерживала или терпела некоторые местные наречия не потому, что видела какую-то культурную ценность в них, а в первую очередь в рамках борьбы с вредоносным влиянием. В частности, понятно, что литовский язык во второй половине XIX в. каким-то образом существовал, поддерживался, терпелся потому, что боролись с польским влиянием; эстонский, латышский – там могли оказать влияние ганзейские немцы. Возрождение финского языка во второй половине XIX в. тоже имело какие-то подобные социально-политические условия? С кем-то тоже боролись? Со шведами? Или какие-то другие причины были?

Шумков А. А. Спасибо за вопрос. Мы разделяем два языковых варианта – ингерманландский финский и финский-финский. Что касается нынешней Финляндии в ее нынешних границах, наверное, так надо ответить на вопрос: финское возрождение с 1850 г. может быть так охарактеризовано – просто натерпелись финны от шведско-язычного влияния во всем, решительно во всем. И когда начались послабления со стороны Российской империи в плане возможности перехода к финскому языку, а это длилось не один год, а пять десятилетий вплоть до начала XX в., официально было закреплено равноправие шведского и финского на финских территориях, то вот здесь, пожалуй, сыграла свою роль интеллигенция. Финская интеллигенция осуществила духовное возрождение финского народа.

Что же касается ингерманландской части, то тут не было особых проблем в плане поддержания финского языка, хотя он, конечно, сильно отдалился от исконного

источника. Была проблема недопонимания между финскими финнами и ингерманландскими финнами. Она до сих пор существует. Если ты имеешь финское происхождение и, будучи российским гражданином, уехал в Финляндию, то на тебя смотрят не как на финна. Так же было и в те времена. Распознавали не по языковому признаку, разные варианты языковые были, а больше по культурному охвату. Ингерманландские финны – соседи русского народа. Происходило смешение народов. Браки между русскими и ингерманландцами не были частыми, но все равно происходили. Далее, рядом был Петербург с его Университетом и Академией наук, где изучались все варианты финского. А ингерманландский вариант финского языка складывался в течение более трехсот лет.

Изгарская А. А., Коллеги, спасибо. Любовь Александровна и Андрей Арнольдович, спасибо. Мы сейчас передадим слово Жанне Викторовне. У нее доклад «Невыносимая легкость перевода в психоанализе». Пожалуйста, Жанна Викторовна.

Кошелева Ж. В. Благодарю коллеги за предоставленную возможность выступить на философском вебинаре. Я психотерапевт-психоаналитик и каждый день слушаю часами психическое страдание, психическую боль, в какой бы форме она ни выражалась. Слушая доклад наших коллег, я могу сказать, что я восхищена Любовью Александровной и согласна с ней: молодежь надо учить быть чувствительной к другим людям, к их языкам. Она мне напомнила моих молодых ординаторов, которым я говорю: «Ваши пациенты, кроме медикаментозного лечения, кроме того, что они определенное время находятся в ограничениях психиатрической клиники, они нуждаются в том, чтобы с ними говорили об их душе, об их психике». Да, молодое поколение, действительно, приходится обучать, чтобы они были чувствительны. Любовь Александровна меня восхитила, потому что она очень живая, чувствительная, чем очень напомнила мне моих ординаторов. Спасибо вам!

Свой дерзкий доклад, я так его внутри себя называю потому, что клинического материала у меня не будет, а обычно психотерапевты, психоаналитики любой теоретический доклад строят на клиническом материале, для того чтобы показать все феномены, которые обсуждаются в теоретической части. Еще, могу вам сказать, что я была вдохновлена докладом Кефели Игоря Федоровича на прошлом семинаре, а некоторые его слайды натолкнули меня на идею своего выступления. В докладе я постараюсь показать, какие механизмы психики существуют, что произошло за 125 лет с тех пор, как З. Фрейд написал первую работу «Этюды по истерии» [13], которая является предтечей психоаналитического метода психологии, как поменялись и метод психологии, и техника, и как эти изменения, на мой взгляд, совпадают с некоторыми наблюдаемыми нами в социальной среде процессами. Но прежде всего я понимаю и хочу подчеркнуть, что не должно быть грубого переноса с механизмов функционирования психики на то, как функционирует общество или государство, этого делать нельзя. Поэтому с такого небольшого вступления я начну свой доклад. У меня не будет слайдов, но я буду немного обращаться где-то к вашему воображению или каким-то другим процессам.

Эпиграфом для своего сообщения я возьму, во-первых, слова Ф. Кафки: «Нам отведена роль совершить негативное, потому что позитивное нам уже дано» [19, с. 228]. И в этом смысле я бы сегодня предложила понимать тот доклад, который был на нашем первом вебинаре, как позитивное, а именно то, что можно представить, можно посчитать в процентах, о чем можно сказать «умирает – не умирает». А тот доклад, который я предлагаю, он может быть ближе ко второму эпиграфу,

который я взяла. Я взяла слова Осипа Манделъштама из его сборника «Шум времени» (1925), которого современный французский философ Алан Бадье считает одним из шести великих поэтов XX в., который, наряду с С. Малларме, А. Рембо и др., взял на себя еще и функцию философа. Итак, что пишет О. Манделъштам: «Память моя нелюбовна, враждебна и работает она не над воспроизведением, а отстранением прошлого. Что хотела сказать моя семья? Я не знаю. Она была косноязычна от рождения, – а между тем у нее было что сказать. Надо мной и над многими современниками тяготеет косноязычие рождения. Мы учились не говорить, а лепетать – и, лишь прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык» [7, с. 384].

Итак, доктор З. Фрейд [14] создал следующее определение психоанализа. Психоанализом называют, первое – способ исследования иначе почти недоступных душевных процессов. Это то, что мы с вами хорошо знаем, потому что все имеют какое-то представление о психоанализе и некоторых психологических идеях, которые выдвинул З. Фрейд, и здесь я выступаю как специалист, который с этим работает, как уже сказала, несколько часов в день. Второе – это метод лечения именно невротических расстройств, основанных на такого рода исследованиях. И третье – серия полученных таким способом совместно развивающихся концепций, постепенно составивших новую научную дисциплину. Таким образом, психоанализ представляет собой дисциплину, отдельную от психиатрии, медицинской специальности, которая занимается лечением психических болезней с помощью биологических и психотерапевтических методов. При этом здесь я занимаю крайнюю позицию. Так как считаю, что, несмотря на большое разнообразие психотерапевтических методов, в основе их разработок лежат исследования и достижения психоанализа. Могу отметить, что большинство психотерапевтических подходов в общем-то основаны на таком защитном механизме, как вытеснение, который часто используют даже в повседневной жизни. Я немного про него расскажу позже, потому что есть более сложные процессы в психике, которые развиваются и исследуются только в современном психоанализе. Еще надо отметить, что психоанализ отличается и от клинической психологии, где методы исследования, например психометрические тесты или проективные, совершенно отличаются от методов психоанализа.

Итак, начну с особенностей психоаналитического метода. Что такого сделал З. Фрейд гениального? Как бы над ним не посмеивались, но он сделал очень важную, гениальную вещь. Во-первых, что не всегда свойственно мужчинам, он слушал женщин, и не просто женщин, а истерических женщин. При этом он это делал не так, как делал, например, Ж. М. Шарко, превращавший большой истерический криз в целый театр. В конце XIX в. Ж. М. Шарко собирал 30–50 мужчин, это были в основном врачи-мужчины, перед которыми он вводил женщину в состояние гипноза. Она становилась в большую истерическую дугу и, как писал З. Фрейд, все стеснялись, потому что все это было очень эротично. Но это был спектакль. Необходимо признать, что Ж. М. Шарко сделал достаточно важное открытие, описав истерию, выводя это психическое заболевание из неврологии. З. Фрейд же пошел другим путем. Он не трогал никогда своих пациентов. В нашей среде есть такая метафора, что психоанализ родился из встречи умного мужчины, который умел слушать, и страданий истерической женщины. Отмечу как клиницист, что истерией страдают не только женщины, но и мужчины. При этом З. Фрейд создал гениальную процедуру. В чем ее гениальность? На первый взгляд это только частота се-

ансов, пациент на кушетке, психоаналитик вне поля зрения. Однако эта процедура позволяет воспроизводить феномены, близкие к гипнозу и к состоянию сновидения. Сновидение – это очень сложный психический феномен, который я со своими коллегами изучаю на теоретическом семинаре «Сновидения. Кадр. Процесс», потому что новая современная техника в психоанализе построена на том, что сновидения занимают абсолютно новое место в психотерапевтическом подходе.

Сновидение – феномен, с которым мы с вами сталкиваемся практически ежедневно. И, как я обычно говорю, сновидение нужно видеть, сновидение – это хорошо. Сновидение в каком-то смысле является психогигиеной, которая происходит каждую ночь. И люди очень страдают, если у них бессонница, сны-кошмары, навязчивые сны. Доктор З. Фрейд в своей гениальной книге «Толкование сновидений» [14] описал такой самый благоприятный способ функционирования психики, а именно сновидение как галлюцинаторный способ реализации инфантильного желания.

И здесь я обозначаю проблему перевода и понимания Бессознательного, мы как-то с вами должны его переводить для того, чтобы не всегда от него зависеть и не всегда от него мучиться. Пока лишь скажу, те из вас у кого хороший сон и кто их видит стабильно, вы можете поблагодарить свою мать, какие бы у вас с ней в реальности не были отношения. Способность видеть сновидения и хорошо их видеть сформировано от психического вашей матери, которая за вами ухаживала, скажу очень приблизительно, в первые полтора года вашей жизни, пока у вас не стала формироваться речь.

Вернусь к процедуре. З. Фрейд создал психоаналитическую процедуру, устраняющую разрыв между сознанием и бессознательным. В каком-то смысле она смоделирована в «лаборатории», которая работает по механизмам, близким к механизму формирования сновидения, и поэтому к психоанализу сложно предъявлять стандарты позитивистской науки, построенной по модели естественно-научного эксперимента.

Теперь рассмотрим, как это сейчас происходит в России. Сразу скажу, что в 1990-е гг. первые российские психиатры и клинические психологи стали обучаться психоанализу в кадре Международной психологической ассоциации, которую когда-то создал доктор З. Фрейд. Кто-то уезжал за границу и потом вернулся, кто-то не вернулся, кто-то ездил так называемым «шаттловым способом», из Москвы в Париж, из Парижа в Москву. Подобное происходит у нас сейчас с регионами. Когда в каком-либо регионе еще нет психотерапевтической школы и профессионального сообщества и коллеги обращаются за тем, чтобы пройти психоанализ или психотерапию, тогда формируется «шаттл». Например, Москва – Белгород или Москва – Красноярск и т. д.

Сейчас у нас в стране очень глубокая практика с очень хорошими и впечатляющими результатами. На международных конференциях мы всегда можем себя очень хорошо представить. Несмотря на то, что мы сейчас еще только осваиваем тот объем открытий, которые произошли за 100 лет в психотерапевтической и психоаналитической практике. Я не могу похвастаться, что мы описали какой-то механизм психического функционирования, отнюдь. Однако, когда я училась в Париже и на семинарах я часто представляла коллегам учение И. П. Павлова, я им рассказывала, какое открытие сделал И. П. Павлов. Мои коллеги проявляли большой интерес к исследованиям нашего великого соотечественника. Взаимодействия между школами и направлениями очень важны. И интерес коллег был живым. К сожалению, идеи,

высказанные И. П. Павловым, не выросли в психотерапевтическую школу в России. Хотя известно, что его учение оказало влияние на появление бихевиоризма в его американской форме. При этом стоит отметить, И. П. Павлов боялся, что могут сделать с его учением в Америке, точно так же, как этого боялся З. Фрейд. Здесь их позиции совпадали.

Второй семинар, который я веду с молодыми коллегами, посвящен переводу книги Сары и Сезара Боттела «Психическая изобразимость» [18] с французского языка на русский. Именно на семинаре Сары Боттела в Париже я рассказывала, как доктор И. П. Павлов лечил свой кардионевроз. У этого специалиста, работающего во Франции, есть прекрасная статья, в которой она показывает близость открытий И. П. Павлова и З. Фрейда. По ее мнению, И. П. Павлов и З. Фрейд пытались показать, как в нашей психике формируются первичные мнестические следы, что должно происходить, чтобы эти *первичные мнестические следы* формировались и сохранялись в представлениях. Возвращаясь к докладу Л. А. Ульяницкой и А. А. Шумкова, хотела бы обратить ваше внимание: это какую же надо сделать работу в реальности, чтобы тот язык, который «уснул» (и мне кажется, что это действительно очень гуманное определение), чтобы произошло оживление языка, прежде всего в психике. Можно сделать *внешнюю конфигурацию процессов*, но если эти процессы не будут затрагивать *внутрипсихические* процессы, то усилия будут напрасными или окажутся лишь имитацией работы.

Далее, коллеги, я возьму два небольших, но центральных понятия в психоанализе. Это понятие «влечение». *Влечение* – это мера психической работы, которую должна проделать психика, чтобы телесное возбуждение имело психический репрезентант или представителя в психике, который подвергается вытеснению. *Вытеснение* – это тот защитный механизм, который всегда направлен только на представление. В хорошо известной модели психического аппарата «Сознательное – Восприятие, Предсознательное и Бессознательное», которая построена по модели рефлекса Р. Декарта, бессознательное, по определению З. Фрейда, – вытесненные репрезентации и более ничего. Это те репрезентации, представления, которые связаны с нашими воспоминаниями. З. Фрейд в «Толковании сновидений» (1900) показал, что самый естественный процесс психики перевода Бессознательного в Сознательное – это сновидение – королевская дорога в бессознательное. Это тот процесс, который заложен на эндопсихическом уровне функционирования нашей психики. Повторюсь, видеть сны – это хорошо, нужно. Другое дело, как показывает, например, мой опыт работы в Центре имени Сербского, есть люди, которые, совершив преступление и находясь на обследовании, в процессе клинической беседы утверждают, что накануне преступления, обычно за день или за два, им приснилось сновидение, которое потом воспроизвелось в самом преступлении. Могу вам сказать, что в бытовом понимании «вещих сновидений» не бывает.

Вернемся к норме, к классическому примеру перевода бессознательного в сознательное. Классическая психологическая техника – это *перевод* бессознательного, которое сформировано из вытесненного инфантильного субъекта, представленного в виде представлений. У кого есть маленькие дети или маленькие внуки, то они могли это наблюдать. Взрослый что-то не разрешил сделать ребенку, а ребенок видит сновидение, о котором он потом рассказывает обычно матери, где его желание исполняется. Чтобы немножко соприкоснуться с лингвистикой, я приведу пример из статьи известного французского лингвиста Э. Бенвениста. В разделе «Заметки

о роли языка в учении З. Фрейда» [1, с. 115–129] в своем фундаментальном труде «Общая лингвистика» он пишет: «На протяжении всех анализов по Фрейду мы видим, что пациент пользуется речью и рассказом, чтобы “представить” себя себе самому таким, каким он хочет видеть себя сам и побуждает “другого”. Его речь – это зов и мольба, призыв, порой неистовый, обращенный к другому через речь, в форме которой он отчаянно стремится к самоутверждению, призыв часто неискренний, с целью придать себе индивидуальность в своих собственных глазах» [1, с. 117]. Могу вам сказать как клиницист, если не спросите, в каких процентах «неискренне», то могу сказать – примерно 95 %. Он «историзирует» себя посредством рассказанной истории, неполной или фальсифицированной. Эмиль Бенвенист очень тонко описал и цель классического анализа: «По ту сторону системы символов, присущей самому языку, он должен различить индивидуальную систему символов, которая создается без ведома пациента как из того, что он высказывает, так и из того, что он опускает. И сквозь историю, создаваемую себе пациентом, начинает проступать другая история, которая объяснит мотивацию. Таким образом, речь используется психоаналитом как посредник для истолкования другого “языка”, имеющего свои собственные правила, символы и “синтаксис” и восходящего к глубинным структурам психики» [1, с. 118].

Еще пример. Французский философ П. Рикёр, который занимался переводами, написал статью «Вызов и счастье перевода» [9]. Данная статья посвящена трудностям перевода, и в ней П. Рикёр использует понятие «работа сновидения». Чтобы перевести работу с одного языка на другой, переводчик должен пройти практически ту психическую работу, какую проходит человек в работе сновидения.

Второе структурообразующее понятие, которое понятно для всех философов и лингвистов – это «представление». К сожалению, в литературе, которая переведена с иностранных языков на русский, часто используется не русское слово «представление», а «репрезентант» или «репрезентация». Я думаю, что лет через десять – пятнадцать, когда у нас вырастет новое поколение, и они будут делать перепереводы, то их тексты будут более пластичные, более мягкие. Сейчас некоторые переводы читать практически невозможно, настолько они дурно сделаны. Понятие «представление» (нем. *der Vorstellung*) – это воспроизведение в сознании ранее пережитых восприятий, образов предмета или явления. Для классических взглядов З. Фрейда здесь важно, что представление существует и вытесняется в бессознательное. Если оно возвращается в сознание, то в виде невротических симптомов, например истерических симптомов.

На мой взгляд, важно понимать, что изначально техника классического анализа и его идеи были разработаны для очень узкого круга клинических проблем. Но интерес творческой интеллигенции: писатели, художники... были так увлечены психоанализом в 1920–1930-е гг. и после войны, возможно даже соблазнены... они не только использовали для своего творчества (Дали, Анри Бретон, который хотел пройти анализ у Фрейда, Бергман...), но самое главное их ожидание *от психоанализа открытия* новых психических возможностей для их творчества, что со временем это сыграло злую шутку, не знаю, как с ними, но в какой-то степени с психоанализом в социальном восприятии. Классическим психоанализом вначале очаровались и стали разочаровываться в Европе, Россию это совсем не касалось вплоть до начала 1990-х гг. Но клиническая практика шла вперед и ставила новые задачи перед клиницистами. Например, какое происхождение у представления, весь ли психи-

ческий опыт может быть репрезентирован – представлен? Например, З. Фрейд уже сам с этим столкнулся при лечении так называемого «богатого русского» – Сергея Панкеева. В известном клиническом случае «человек-волк» З. Фрейд показал, что у Сергея Панкеева *воспоминания заменяются сновидениями*, что не является классической формой представления. Если вернуться снова к статье Эмиля Бенвениста, «именно в стиле, а не в языке мы столкнулись бы с явлениями, которые описал З. Фрейд, в языке сновидения подсознание использует подлинную “риторику”, которая, как и стиль, имеет свои “фигуры” и *формы*» [1, 126 с.]. Сновидение мы можем рассматривать *как форму психического*. Поэтому как формируется представление в психике, какую работу должна провести психика, чтобы психический опыт приобрел форму, которую можно вытеснить, отрицать, уничтожить, – это уже современные вопросы, которые возникли в теории из психоаналитической практики в последние десятилетия. Эти вопросы стали изучаться после Второй мировой войны, когда стало принципиально меняться психическое страдание у людей, которые стали обращаться за психотерапией, и психотерапевты тоже учились слушать пациентов по-новому.

Итак, какой теоретический вопрос актуален сейчас? Данный вопрос можно сформулировать следующим образом: «Каково происхождение представления и может ли быть *весь психический опыт представлен* или остается какой-то психический опыт без представления? И тогда в какой форме и как он будет беспокоить субъекта?» Повторюсь, что в клиническом случае, получившем название «случай богатого русского С. Панкеева», невроз «человек-волк», З. Фрейд показал, что у пациента воспоминания часто заменялись сновидениями [15]. Поясню, например, когда пациент мне рассказывает не воспоминание, воспоминаний нет, а сновидение, из которого мы вместе с пациентом может *гипотетически реконструировать* какое-то воспоминание. Чтобы у вас не было вопросов о влиянии, о гипнозе, насилии, подчеркну, что этого нет. Психоаналитик дает интерпретацию – конструкцию, а потом на следующем сеансе слушает, как психика отреагировала. Психику невозможно пустить по ложному пути, она всегда будет этому сопротивляться.

В современной практике мы работаем с пациентами, которые как в психотерапии, так и в психиатрии называются пациенты пограничного уровня функционирования. Классический пример, который я могу из этических соображений привести, опубликован в литературе – это Мэрилин Монро. Она проходила психоанализ у одного из известнейших психиатров своего времени, у психоаналитика – Р. Гринсона. Однако мы все хорошо знаем, что она покончила жизнь самоубийством. Сделала она это не потому, что Р. Гринсон плохо работал. Проблема в том, что эта пациентка для того периода развития психотерапии была неанализабельна, т. е. не было такой еще психотерапии, которая могла бы вылечить или по крайней мере перевести ее психическую невыносимость, в которой она жила, в какую-то другую форму психического функционирования. Почему она была неанализабельная? Потому что первичный травматизм, связанный с ранними отношениями с матерью, со средой воспитания, невозможно было лечить через процесс возвращения вытесненного в форме представления, так, как это описал З. Фрейд. Этот *первичный травматизм не представлен в психике, он находится в более примитивных формах, чаще всего перцептивных*. Вот поэтому в начале, устанавливая между нами контакт, я привлекла ваше внимание, утверждая, что сновидения – это остатки, которые затрагивают глубинные слои психики, а способность видеть сны детерминирована отношениями с матерью.

Нехватка представлений на пограничном уровне функционирования психики часто разыгрывается в реальности. На уровне личности эти субъекты хрупки, это то, что называется нарциссическая патология, размытая идентичность, проблемы с половой ролевой идентичностью и т. д. Они не могут ни психически, ни социально быть самостоятельными. Они испытывают невыносимость себя и своего существования – невыносимая легкость бытия. У них глубокое ощущение психической пустоты и нехватки. Например, главный герой романа А. Камю «Посторонний» [5] – это такой классический пример, с которого начиналось описание проблематики пограничного пациента.

Что сейчас еще есть в современной практике? После Второй мировой войны в психоанализе появляются три исследователя, чьи открытия позволили лечить таких сложных пациентов, как Мэрилин Монро (см. подр. [19, с. 271]). Долго, мучительно и сложно, но таких пациентов сейчас можно вылечить. Во-первых, доктор Д. Винникотт – детский педиатр, который, работая в неблагополучных районах Лондона, стал заниматься психотерапевтической и психоаналитической практикой. Он сделал очень много открытий, которые сейчас позволяют работать современным практикам, независимо от их теоретической ориентации, они читают Д. Винникотта. Если у вас есть дети и внуки, думаю, что и вам можно почитать Д. Винникотта. Он дает несколько хороших идей для материнства. Материнство – образование в психике женщины, которое очень сложно и конфликтно формируется.

Следующий специалист – У. Бион, врач-психиатр из Англии. В качестве врача он участвовал во время Второй мировой войны. Он сделал много открытий для лечения пациентов шизофренического уровня. С этими пациентами до сих пор не все работают в психотерапии. Это достаточно сложные пациенты, но его открытия позволили облегчить участь людей, которым психиатры обычно ставят диагноз «шизофрения».

И еще один специалист – А. Грин, психиатр из Франции. А. Грин оказал очень большое влияние на развитие психоанализа в России. Обратите внимание, что это все психиатры, которые выходили за пределы и возможности современной им психиатрии и психотерапии. Они описали новые теоретические идеи, позволившие выйти из кризиса, в котором оказался психоанализ в 1960-е гг. Возможно, вам как философам будет интересно, что А. Грин в своей книге «Работа негатива» [20] использовал идеи Г. В. Ф. Гегеля о негативности. Чтобы понять, о чем А. Грин пишет, психоаналитикам надо читать произведение Г. В. Ф. Гегеля «Феноменология духа». Также А. Грин использовал идеи процессов дуальности из квантовой физики, когда один и тот же процесс в зависимости от условий может быть представлен в разных формах. Приведу пример. Люди часто жалуются: «Я не уверен в себе, у меня плохое представление о самом себе». Иными словами, на поверхности у него неустойчивое представление о себе, а в негативе у него будет нехватка представления о материнском объекте. Понимаете, в разных частях психики будет представлена нехватка только разных процессов. Идеи Г. В. Ф. Гегеля и идеи дуальности из физики А. Грин использовал для того, чтобы описать негативное в психике субъекта.

Коллеги, может быть у нас будет когда-то такая возможность на метадисциплинарном уровне говорить на разных языках, как это бывает у вас, как это бывает у нас в психоанализе. Психоаналитики всегда заинтересованы в присутствии на своих конференциях философов, культурологов и т. д., так как мы, скажу аккуратно, занимаемся схожими процессами, но мы это рассматриваем изнутри, а вы это исследуете снаружи.

В чем важность этих открытий современных психоаналитиков для вопроса перевода? Негатив в психике, который всегда говорит о том, как он может быть представлен, а представлен он в таком ощущении психического *напряжения*, которое сейчас часто, к сожалению, снимается наркотиками, различными медикаментами или гаджетами. Иными словами, это то напряжение, на котором формируется зависимость. Зависимостей сейчас много, это беда нашего общества. В работе с негативом, с пациентами, которые называются пациентами пограничного уровня функционирования, у которых психика находится больше в негативе, чем в позитиве, очень важное значение имеет «кадр» [6]. Это понятие разработал Андре Грин. С одной стороны, кадр – это процедура, время, место, оплата и т. д., а с другой стороны, работа кадра *гомологична* психическому функционированию пациента, а психика аналитика (или психотерапевта) *изоморфна* (как мы это понимаем в геометрии) к психике пациента, у психоаналитика бывают сновидения о пациентах. Никогда пациент не знает об этих сновидениях, но именно сновидения аналитика, его галлюцинаторная активность, его аварии мыслей, его искажения состояний (с которыми мы умеем работать, так как у нас очень своеобразное обучение) – тоже является формой перевода негатива психики пациента в позитив. В итоге мы *находим в психике и создаем новые формы психического вместе с пациентом, на которых потом выстраиваются новые представления, а часто и процесс мышления в целом. Поэтому происходит развитие психического потенциала пациента, оставшегося в неизвестности, и создание тех форм психического, для которых ранее не было условий*, но в ходе психоаналитического лечения за счет работы кадра, который, повторюсь, гомологичен психическому функционированию пациента, и благодаря изоморфности психики аналитика, его особому типу мышления это становится возможным. Я бы сказала так: современные психоаналитики думают как в сновидении, но в состоянии бодрствования. Этот способ мышления – *регрессионный*, который очень долго приходится формировать психоаналитику в процессе своего обучения. *Именно такая работа дает шанс для создания условий проявления новых собственных форм психики пациента, которые позволяют перевести невозможное и мучительное в первичные формы символического.*

В начале своего доклада я сказала, что на этот доклад меня вдохновил доклад И. Ф. Кефели [4]. Он показывал на слайдах ареал расселения тюркских народов и карту потенциальных территорий для расширения Тюркско-исламского союза. И. Ф. Кефели говорил о существующей опасности такого расширения для народов России и равнодушии, «глухоте» наших политиков к тревогам и словам ученых. Я могу объяснить механизм такой «глухоты» наших политиков. Они не слышат не потому, что ученые, в частности И. Ф. Кефели, плохо говорят, нет, *ученые говорят правильно и грамотно*. И замечательно, что И. Ф. Кефели сделал эти слайды, и он должен их показывать, и он будет их показывать, но эти слайды, как и сегодняшний доклад Л. А. Ульяницкой и А. А. Шумкова, на мой взгляд, попадают в негатив психики. Здесь, подчеркну, надо быть аккуратным в терминологии, есть негатив психики, а есть еще негатив социальный. А. Грин [20], будучи гением, как и З. Фрейд, определил психоанализ лет на сто вперед, он позволил себе понятие негатива вывести за пределы клинической практики и связать с социальными процессами. В основе моей интерпретация слайдов Игоря Федоровича находится идея о том, что его слайды – это пример *первичной символизации негатива социальной травмы*, в данном случае «тюркских народов». И для нас, ученых разных направле-

ний, но которые живут на территории России, это гипотеза для размышлений. Для тех, у кого сформировалась по разным причинам диффузная идентичность, такая карта является *формой первичной символизации*, которая придает им «понимание» ситуации, но она по сути своей ложная. Они ее не понимают, они ее принимают перцептивно и воспринимают, что они понимают, так как снимает психическое напряжение. В результате эта форма «первичной символизации» позволяет манипулировать, затрагивать глубинные слои психики, связанные с психическим выживанием, и создает предтечи и условия для глубинного противостояния в многонациональном государстве. В данном случае это пример России, но можно говорить не только о ней. Это в целом тезис для размышления.

Здесь я позволю себе остановиться, и, может быть, в ходе дискуссии я расскажу о переводе на русский язык книг по психоанализу. Здесь тоже у нас есть большие трудности и большие беды. Я начала свой доклад с цитаты О. Мандельштама, а закончу его небольшим отрывком из сказки «Тень» Евгения Шварца. Эта сказка была написана в 1938–1940-х гг., и вот что я у него прочитала:

«Ученый. Каким образом он добился того, что она поцеловала его?

Доктор. Он ее ошеломил. Он рассказал ей все ее сны.

Ученый. Как он узнал ее сны?

Доктор. Да ведь сны и тени в близком родстве. Они, кажется, двоюродные» [16].

Для меня, как для психоаналитика, это *красивый пример проработки негатива травмы психики!*

Благодарю за внимание, коллеги, для меня это первый опыт прочтения доклада о психическом не в профессиональной среде.

Петропавловский А. В. Жанна Викторовна, спасибо большое, и за то, что приняли приглашение, присоединились к нашему вебинару, и за глубокий, интересный доклад. Наверно, с 1968 г., с момента выступления Ж. Дерриды на семинаре у А. Грина, Вы первый в России психоаналитик, кто за столько лет впервые выступил на философском семинаре, который к тому же проводится с участием Сибирского отделения Российской академии наук. Жанна Викторовна, я вас поздравляю, очень приятно было слушать доклад.

Кожелева Ж. В. Я буду очень признательна за вопросы, потому что часть доклада не прозвучала. За рамками доклада осталось понятие негатива травмы по А. Грину и то, как он делает переход от процесса негативации к психике в обществе, и какие это ставит проблемы для клиницистов и, я думаю, для других специалистов тоже.

Анжиганова Л. В. Уважаемые коллеги, было невероятно интересно прослушать оба доклада, но в силу того, что последний доклад только-только прозвучал, я скажу о нем. Я прослушивала его на одном дыхании, даже на секунду не отвлекаясь. Потому что многие моменты, которые прозвучали, были крайне полезны с психологической точки зрения для интерпретации положения коренных сибирских народов, а я представитель аборигенного народа, а также той трагической ситуации, которая складывается с языком моего народа, а именно с хакасским языком. В соответствии с Вашей классификацией он относится к «сельским ограниченным». Однако в самом деле он относится к исчезающим языкам. Я могла бы долго рассказывать, что у нас происходит. Жанна Викторовна, в самом конце доклада у меня возник вопрос, я не знаю, как вы его проинтерпретируете. Вслед за И. Ф. Кефели Вы показывали карты с тюркским миром, который отрезал от России какие-то куски территорий,

и утверждали, что мы должны воспринимать это как какую-то травму. Возможно, я немножко не поняла, но, может быть, в Вашем примере звучала травма не тюркского народа, от которого чего-то там отрезали. Потому что тюркские народы проживают на своих территориях. Мы ничего не отрезали, и языки наши там же, где и всегда были, и народы, их носители, это действительно большой тюркский мир. Может быть, есть взаимные травмы тюркских и нетюркских народов, каких-то других языков? Проясните, пожалуйста, возможно, я не так поняла. Спасибо.

Кочелова Ж. В. Благодарю Вас, коллега, за вопрос. Я приношу сразу свои извинения, если что-то прозвучало в докладе некорректно. Поскольку у меня не было никакого клинического материала, то я воспользовалась материалом самого первого доклада, прозвучавшего на вебинаре. Конечно, я опустила очень большую тему негатива травмы социальной, например тему Холокоста. Здесь тоже нужно работать очень аккуратно. Просто тема Холокоста лучше всего проработана как негатив социальной травмы. О других случаях негатива социальной травмы, включая тему, актуальную для России, – пребывание в сталинских лагерях, написано не так уж и много. Безусловно, проработка негатива травмы должна идти через культуру, например через театр. В Москве сейчас в театр практически нельзя попасть. Я это интерпретирую следующим образом: идет специальная военная операция, и люди нуждаются в самолечении через театр и сцену. Театр позволяет представить многое, что сейчас есть во внутреннем мире человека. Например, такой научный семинар, как наш, который позволяет делать доклады из области разных дисциплин, является примером, как негатив травмы может быть представлен и больше ничего, никаких политических или социальных заключений. Моя просьба не интерпретировать, потому что если бы я вам показала сновидение так, как оно представлено у пациента, Вам было бы совсем непонятно, что она там такое нам рассказывает. Я клинику представить не могу, но могу использовать примеры из жизни. Недавно в Питере в Александровском театре я посмотрела спектакль «История Сталина». Достаточно любопытная постановка. Но как клиницист я понимаю, что концовка должна быть другая. Она не может быть такой, по законам функционирования психики она должна быть другой. Но ее так представил режиссер, и пусть она так будет представлена. Поверьте, я старалась предельно корректно интерпретировать слайды И. Ф. Кефели потому, что у нас, действительно, очень высокий уровень взаимного травматизма. Могу просто из личного опыта рассказать, когда я обучалась во Франции, мне нужно было французский язык перевести на очень глубинные слои своей психики, поскольку второй анализ у меня был на французском. В Нормандии я поехала в музей Дня «Д», посвященный высадке американских солдат и открытию второго фронта. Я была потрясена этим музеем, но не тем, что и как там представлено. Я испытала потрясение из-за того, что истории моей семьи там нет. Понимаете? Моей семьи, которая пережила то-то, то-то и то-то, там нет. В каком-то смысле я находилась там в негативе. Здесь я, например, благодарна, что на первом семинаре был И. А. Пфаненштиль, и он посоветовал нам прочитать свою статью «Глобализация, новый мировой порядок или фашизм?» [8]. Я нашла его статью, оказалось, что для меня это очень важная статья, поэтому, может быть, вы тоже после моего доклада, например, захотите Д. Винникотта почитать (см. подр. [2]).

Шумков А. А. Жанна Викторовна, большое спасибо за доклад. У меня два вопроса и комментарии. Все-таки есть работы, посвященные населению Ингерманландии и страшной судьбе этих людей между двумя мировыми войнами и вплоть до 1956 г.

Председатель общества германландских финнов в г. Петербурге Леонид Андреевич Гильде издал несколько книг. Когда их читаешь, то понимаешь, какая правда собрана и теперь стала нам доступна. Это травматичные книги. Скажите, пожалуйста, а когда вообще начинается психоанализ и, скажем, кому он показан? Мой двоюродный дедушка занимался военной психиатрией. Его пациентами были люди, которые что-то прошли, что-то в своей жизни увидели, побывали в боях. Психоанализ – это больше медицинские показания или это все-таки то, что можно себе позволить, потому что это модно, или это по-настоящему нужно? Не является ли блажью желание идти к психоаналитику в условиях нормальной, хорошей жизни?

Кошелева Ж. В. В психоанализ люди идут либо из клинической психологии, либо из психиатрии, т. е. некоторый контакт с клиникой есть, это, во-первых. Во-вторых, то, что касается, например, травм, пациенты, которые приходят с посттравматическим состоянием после военных действий, им психоанализ категорически запрещен. Потому что их психика слишком травмирована, им нужны другие формы работы. Это групповая форма работы, это может быть индивидуальная, но когда пациент будет сидеть в кресле, а не лежать на кушетке, как это во время психоанализа. Потому что во время психоанализа идет очень большой регресс в психике, и он как бы должен попасть на свою внутреннюю сцену, где уже есть представления, воспоминания. А что происходит с человеком во время войны? Любая война все связи разрывает, и поэтому этим пациентам нужно видеть лицо психотерапевта, лицо психиатра. Здесь все будет идти по пути материнского, т. е. через лицо специалиста будет вся эта травматичность психики обволакиваться психикой и психической пленкой психотерапевта и психиатра. Это тончайшая работа, как восстановить психическую пленку психики после военных действий. Есть потрясающая статья Качалова Павла Валерьевича, одного из первых психиатров, кто уехал и учился еще у А. Грина. Я коснусь его статьи о межпоколенческой передаче травмы на уровне психики, когда скрывается история [21]. К сожалению, он очень мало пишет. Я считаю, что философы, историки и лингвисты должны много писать. Основное, что осталось в негативе этой межпоколенческой травмы – это чувство стыда за свое прошлое, это невыносимое чувство боли, которое затронуть невозможно, это потеря всех памятников. За тридцать лет своей практики мне приходилось со своими пациентами часто искать могилы их родственников. Что пострадало у таких пациентов? Во-первых, пострадала отцовская функция в семье и в психике. Мы не знаем, что такое хорошо, что такое плохо, потому что отец, он был уничтожен. С утратой отца образуются «дыры» в психике, а когда находится могила отца, деда, прадеда, даже если это будет общая могила, она эту дыру «закрывает», а дальше уже идет психическая работа горя и потери. Поэтому чувство стыда, чувство вины и очень примитивные защитные механизмы психики (отрицание, работа негатива) затрагивают уже принцип реальности и нарушают восприятие реальности, поэтому последствий от реальных военных действий, действительно, очень много.

Шумков А. А. Спасибо большое, можно еще один дилетантский вопрос. Вы сказали, что вещей снов не бывает. Могу свидетельствовать – бывают. Я не мистик.

Кошелева Ж. В. Благодарю за вопрос. Я с вами соглашусь, но это будет затрагивать проблемы телепатии. И я не мистик, но я знаю, что когда-то телепатия будет описана. Недавно я пересматривала фильм «Здравствуй, это я». Там поднимается проблема отношений во время Второй мировой войны и с какими травмами и потерями остались люди после нее. Молодой А. Джигарханян играет физика, который

вместе со своим другом, гениальным физиком (уровня Л. Д. Ландау), они сидят на крыше и размышляют о телепатии. Фильм создан в 1965 г. То, как они говорили о телепатии, я вам как специалист, который иногда с пациентами видит один и тот же сон в одну и ту же ночь с одним и тем же содержанием, – это было очень современно.

Шумков А. А. Спасибо большое, мне было важно услышать, что это еще требует изучения и описания.

Кошелева Ж. В. Да, это феномены телепатии. Мы как психоаналитики очень страдаем из-за того, что З. Фрейд уничтожил две свои статьи о проекции, очень сложной защиты механизм, и о телепатии. Он две статьи уничтожил по одной простой причине, он боялся дальнейшего ухудшения отношения к психоанализу. К психоанализу и так относятся плохо, рассматривая это как нечто мистическое. Здесь мистики нет. Психоаналитик может разложить психику, может сказать, что будет через десять сеансов, через полтора года, через пять, через семь лет по динамике. З. Фрейд уничтожил статьи, которые сейчас очень нужны для современной техники, проблематики, методов лечения. Это была бы находка. Но нет, придется кому-то открыть заново. Я думаю, Вы лингвисты, и поэтому вы так чувствительны к данной проблематике. Язык там будет занимать очень важную роль.

Черных С. И. Жанна Викторовна, один вопрос философского плана. Я с огромным интересом послушал Ваш доклад, в нем слишком много непонятной для философа терминологии. Вы правильно сказали, что философам с психоаналитиками еще предстоит совершить такой универсальный шаг, чтобы что-то универсализовать. Вопрос следующий. Был З. Фрейд, могучий человек, психиатр, психоаналитик, и существует достаточно развитая школа неофрейдистов, начиная от А. Адлера и многих других. Философы привыкли думать о том, что неофрейдисты в достаточной мере отошли от учения самого З. Фрейда в сторону социальности психоанализа и социальных факторов процесса формирования личности. Я уж не говорю о самом А. Адлере и его стремлении к власти и утверждению Ж. Лакана, что бессознательное – это язык, который можно как-то представить. К сожалению, я не очень хорошо знаком с суперсовременными вещами и даже работами 1980–1990-х гг., потому что социальная ситуация в России складывается таким образом, что либо ты сам себе психоаналитик, либо еще как-то. Вопрос следующего содержания будет, а вот можно ли определить на уровне универсальной теории соотношения между индивидуальными, внутренними физиологическими факторами и самой социальной средой – мама, папа, семья, школа и так дальше. Вообще, это возможно на теоретическом уровне?

Кошелева Ж. В. Да, я бы даже сказала, что это нужно будет делать на теоретическом уровне. Я выскажу чисто свое мнение: З. Фрейд дал очень большой кредит для психического функционирования психики субъекта. По большому счету психика у субъекта так не функционирует, как описал доктор З. Фрейд, он дал слишком большой кредит, поэтому там происходили расколы, а самый сложный – это, безусловно, между З. Фрейдом и К. Юнгом. Целое мощное направление сформировалось. Теперь, что касается взаимодействия другого. Поскольку я работаю индивидуально, то я переведу Ваш очень сложный на вопрос «Я и Другой». Я как субъект и Другой как Другой. Если кто-то думает, что Я и Другой как две различные отдельные единицы очень легко и естественно появляются в психике, то я могу сказать, это очень глубокое заблуждение. Это, действительно, архисложная рабо-

та, которая должна пройти в психике ребенка в отношениях с матерью. В психике матери должна быть триангуляция, там должен присутствовать отец не просто как любовник, еще должна быть межпоколенческая модель, простроенная в ее психике для того, чтобы ребенок постепенно стал отделяться психически и смог около трех-четырёх лет пойти в детский сад. Например, специалисты считают, что от двух до трех лет ребенка не следует отдавать в детский сад, это связано с процессами, которые происходят в психике. Плохо, когда ребенок до шести лет один госпитализируется. Нельзя маленьких детей госпитализировать отдельно от матери, потому что потом последствия, которые остаются в психике, без специалиста практически невозможно устранить. Но тонкость для меня в вашем вопросе такая – психика, она не может быть сделана сама собой. Психика не существует на уровне self-made. Для того, чтобы психика сформировалась, должно быть очень глубокое участие психики матери. Потом вступает в определенные моменты отец, и потом идет работа родительской пары. К двадцати одному году у наших детей должна сформироваться достаточно хорошая, устойчивая психика, которая может решать все задачи, которые ставит как внутренний мир, так и общество сейчас перед человеком. Считается, что к двадцати одному году психика формируется как орган. После двадцати можно говорить о том, что психика может быть достаточно самостоятельна, но до этого психика все время включена в социальные процессы либо диадические, либо триангуляционные, либо в малой группе, либо еще где-то. Простите, повторюсь, нет психики до двадцати одного года, которая была бы self-made.

Черных С. И. В таком случае, каково Ваше мнение по поводу семей, которые считаются социально неполными, где одна мать или один отец?

Кошелева Ж. В. Ничего страшного.

Черных С. И. А какое начало тогда преобладает, если мать одна?

Кошелева Ж. В. Мы сейчас в очень деликатную тему переходим. У женщин иногда отец детей, любовник и муж – это могут быть три разных мужчины. И если это неполные семьи, то там будет и должен включаться символический отец. Вы вспомнили про Ж. Лакана. Идея символического отца описана именно у Ж. Лакана. Есть такое понятие в психоанализе «цензура любовницы», если она не работает, то ребенок будет более психотического уровня функционирования. То есть женщина не должна из ребенка делать своего любовника во всех смыслах этого слова.

Черных С. И. Или наоборот.

Кошелева Ж. В. Или наоборот. Отец может воспитывать один, мать может воспитывать одна, в любом случае психика ребенка будет дорабатывать, будут другие члены семьи, и очень важно всегда рассказать честно историю. Сейчас существует большая беда, очень сложно работать с детьми от суррогатных матерей. Ребенок, которого выносила одна женщина и потом его «отдали» другой женщине, у которой «запустить» материнское в психике архисложно. С детьми, которые рождены от ЭКО, работать чуть легче. От суррогатного материнства – архисложно.

Черных С. И. Жанна Викторовна, вот на всякий случай, по хронологии, у Вас в работе есть 1960 г., 1970 г., 1980 г., 1990 г., 2000 г.? Есть почти пятидесятилетнее поколение для анализа, да?

Кошелева Ж. В. Нет, в Москве даже в середине 1980-х гг., если что-то и было, то было подпольно. До 1987–1988 гг. никакого психоанализа в стране, кроме аутогенной тренировки, не было. Например, я пришла в профессию позже. В 1990 г. я окончила свой первый университет и вошла в психоаналитическое пространство.

Черных С. И. Вот так, и никаких работ по этому поводу нет?

Кошелева Ж. В. Нет. Я, если Вам интересно, отправлю в общий чат статьи с сайта нашего Московского общества психоаналитиков. Там, например, есть очень интересные статьи П. В. Качалова, В. А. Потаповой, А. Ш. Тхостова.

Черных С. И. Спасибо большое. Еще один вопрос. Вот все-таки почему – сидя и лежа?

Кошелева Ж. В. Отвечаю на очень сложный вопрос. Потому что лежа существует три вида регресса – формальный, временной и топический. Если пациент, например, такой как Мэрилин Монро, то его нельзя положить на кушетку, потому что он быстро регрессирует в «пустоту» и выдает безумие. В психике есть частное безумие под определенными защитными механизмами, и Р. Гринсон столкнулся с тем, что он не знал, что с этим делать. Он стал ее приглашать к себе домой. Он ушел от кадра психоаналитического, от кушетки, он перешел в Реальность. Он стал приглашать ее на ужин, проводить каникулы вместе с его семьей, как будто, чтобы она была в его семье, нехватку которой она ощущала. Однако это не психотерапия, это не помогает лечить пациента. Есть негативы психики, есть пределы психического функционирования, а в кресле будет сидеть пациент, который эти три формы регресса выдержать не может. Поэтому в таких случаях это не нужно делать, совсем не нужно, так как будет больше беды, чем пользы... Есть пациенты, например, которых можно вести несколько лет в кресле, а потом перевести на кушетку, а есть, которым вообще кушетка противопоказана. Это вопросы клиники.

Черных С. И. Спасибо большое.

Шумков А. А. Жанна Викторовна, задам крохотный вопрос. Вы сказали про нас, что, занимаясь языком, мы являемся более чувствительными, по крайней мере должны такими быть. В связи с этим вопрос. Скажите, пожалуйста, может ли человек, для которого, предположим, французский язык неродной, работать с пациентом, для которого французский язык является родным. Я сейчас не беру случаи билингвов, которые в равной степени владеют языками.

Кошелева Ж. В. Благодарю Вас, это очень интересный вопрос! Знаете, первый психоанализ у меня был на русском языке, а второй – на французском. Однако сновидения на французском языке мне стали сниться только после того, как я завершила анализ на французском языке. Это очень интересный феномен. Мы с Вами затронули телепатию, здесь мы с Вами можем затронуть еще одну тему, которую описал доктор З. Фрейд в своей статье «Нарушение памяти на Акрополе» [12]. Это очень странный феномен, который он попытался описать, – *состояние беспокоящей странности*. Например, у П. Рикёра я нашла работу «Вызов и счастье перевода» [9], есть статья С. Фокина «Перевод как незадача русской философии» [11], где они другими словами, но пишут об этом же чувстве странности при переводе. Это очень сложное психическое, но если с этим состоянием странности психика справится без декомпенсаций, то можно на самом глубинном уровне перейти в другое языковое пространство и психическое пространство Другого. Вы знаете, психика – очень тонкий нежный орган, который изучается только последние сто пятьдесят лет. Поэтому я скажу так: то, о чем Вы спросили, может происходить, но психоаналитик на себя берет очень большую, не просто ответственность (мы всегда берем на себя ответственность, когда работаем с психикой другого), а *понимание*, что ему нужно будет пройти через такие процессы в своей психике и столкнуться с такими закоулками своей психики, чтобы пережить это *состояние чуждости* к другому языку

другой психики. И потом, например, как сейчас у меня в семье, мы можем говорить на русском и иногда в некоторых ситуациях, обсуждая некоторые темы, особенно когда я общаюсь с дочерью, могу спонтанно перейти на французский, который для меня такой же психически естественный, как и русский, который является материнским для меня. Это проблематика билингвов, у тех, у кого несколько языков, там всегда в психике в *регрессе* есть точка, когда можно из нее выйти в один язык, в другой язык, в третий и т. д., без декомпенсации в психике. Когда маленькие дети первые восемь месяцев и где-то до года своей жизни обучаются языку, им же не важно на каком языке с ними будут говорить.

Шумков А. А. Большое спасибо за исчерпывающий ответ, очень интересно.

Изарская А. А. Спасибо, Жанна Викторовна, спасибо, коллеги. Переходим к обсуждению.

Попков Ю. В. Я кратко скажу по первому докладу. Мы говорили об особенностях разных регионов и существующей здесь языковой политике. Поскольку регионы разные, ясно, что возможности, в том числе институционального характера, тоже разные. Например, в Туве 82 % всего населения по переписи 2010 г. составляли тувинцы. В Бурятии процент бурятского населения растет и в настоящее время оно составляет треть от общей численности. В Якутии уже сейчас якутов больше, чем русских по переписи. Эти регионы сильно отличаются по социально-экономическим показателям. Поэтому у региональной власти совершенно разные возможности и силы. Однако я бы здесь не стал ограничиваться только этими ресурсами, потому что очень многое зависит и от общественных организаций, от инициаторов из интеллигенции, прежде всего национальной. Один случай расскажу о том, как могут действовать региональные власти. Однажды я был приглашен на заседание Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) на обсуждение языковой политики в отношении малочисленных народов Севера и конкретного законопроекта регионального уровня. В этом законодательном органе власти много лет работала доктор социологических наук Ульяна Алексеевна Винокурова. Я посмотрел и обнаружил, что их проект не соответствует законодательным нормам федерального уровня, на что и обратил внимание. Ульяна Алексеевна мне тогда сказала: «Юрий Владимирович, мы живем от Москвы далеко, и иногда действуем именно таким образом. Москва не видит наших проблем, поэтому мы проявляем инициативу, принимаем какие-то меры, какие-то решения, в том числе на законодательном уровне, потом смотрим, как Москва отреагирует. Иногда это проходит». Я думаю, что это очень мудрая позиция и хороший вариант для возможного подражания. Хотя и среди национальной интеллигенции по многим вопросам, связанным в том числе с тем, что касается культуры титульных народов, нет единства. Я даже не говорю о политических коллизиях и борьбе, речь вообще об отсутствии единства. Это еще одна проблема, которая мешает осуществлению здоровой политики по вопросам, касающимся этнической культуры на региональном уровне. Спасибо, это то, что я хотел сказать.

Шумков А. А. Юрий Владимирович, огромное Вам спасибо. Это то, что в нашем докладе потерялось. То, что с прибалтийско-финскими языками произошло, объясняется передвижением границы от Петербурга. На двадцать километров была перемещена финская граница в сталинское время. По воспоминаниям А.А. Жданова, Сталин столицу хотел переносить в Ленинград, для того чтобы укрепить всячески границу. Такая близость к очагам политических распрей для прибалтийско-финских

языков оказалась губительнейшей. Эти бесконечные выселения, депортации, возвращения населения обратно были губительны. В этом плане дальнейшее расположение от Москвы иногда может быть спасительно, как Вы правильно заметили. Если будет возможность больше познакомиться с тем, что происходит в Сибири, то мы это будем учитывать в своих последующих докладах. В социолингвистике такого рода составляющие должны обязательно быть на первых местах в исследованиях. Спасибо Вам за дополнение, благодарю.

Ульяницкая Л. А. А я бы добавила, что Москва Москвой, но, читая новости, сталкиваюсь с тем, что не всегда удаленность от столицы спасает.

Шумков А. А. Да, страна остается единой, государство есть государство, и с этим нужно считаться.

Попков Ю. В. Я занимаюсь проблемами национальной политики давно и могу сказать, что здесь бюрократическая логика срабатывает очень четко. Если в Федеральном Законе или в Стратегии национальной политики не сформулирована какая-то задача, то в большинстве случаев в стандартном варианте, в регионах делать этого тоже не будут. Потому что они отчитываются только за то, что сверху спускается и требуется, а инициативу могут проявлять в исключительных случаях. Я говорил прошлый раз о том, что в 2020 г. специально анализировал ситуацию в Туве, где приняли Программу реализации национальной политики. Так вот, в ней не было слов «тувинец», «тувинцы», но есть казаки и коренные малочисленные народы Севера. Тоджинцы тоже не упоминаются, которые принадлежат к коренным малочисленным народам. Почему? А потому, что сверху шаблон задан: используют те понятия и провозглашают те задачи, которые присутствуют в федеральной Стратегии. То есть делают кальку. Я поэтому всегда настаиваю на необходимости обозначения в рамках национальной политики, помимо стратегических ориентиров, общих для всей страны (это важно для формирования общенационального единства), еще и типовых региональных моделей, выделенных на основе ряда значимых критериев: особенностей этнической структуры и миграционных процессов, уровня социально-экономического развития и др.

Обвинников А. А. У меня вопрос для А. А. Шумкова и Л. А. Ульяницкой. Спасибо за доклад, коллеги. Мой вопрос. Кроме языков у нас в России есть много говоров. Например, я живу на юге Новосибирской области, у нас старожилы сохранили очень интересные особенности диалектов. У нас население – потомки украинцев, белорусов, русских. Многие являются выходцами из Курской, Смоленской губерний. Пришлое население устанавливало тесные контакты с коренным населением. У нас до сих пор в деревнях бабушки и дедушки сохраняют очень интересные особенности местной речи. Насколько актуально для вас, филологов, сохранение вот таких говоров, насколько они значимы для науки?

Ульяницкая Л. А. Большое спасибо за Ваш вопрос! Значимо, важно, нужно. Тут ничего другого не скажешь! Говоры, которые являются подидеомами диалектов, которые в свою очередь являются подидеомами языков. Это и есть наше богатство языковое, которое надо сохранять. Когда речь идет о языках России, то, конечно, до говоров просто руки не доходят. Однако все это языковое разнообразие, лексическое и фонетические, все оно очень важно.

Шумков А. А. Хочу добавить. С появлением такой прекрасной науки как лингвистическая география учет диалектальных особенностей того или иного языка просто обязателен. Есть диалектологический атлас русского языка, более того, для при-

балтийско-финских языков был сделан диалектологический атлас, был составлен диалектологический атлас карельского языка. Это давнишняя традиция, берущая начало с конца XIX в.

Анжиганова Л. В. Я бы хотела поблагодарить Анну Анатольевну за то, что случился такой удивительно удачный симбиоз двух докладов. На первый взгляд доклады охватывают разные ареалы вопросов. Однако возникает ощущение единства их научного пространства, когда ты от проблем первого доклада слушаешь второй доклад, и постоянно звучат такие вещи, как «оживление уснувшего языка», «психические травмы», когда мы пытаемся охватить, с одной стороны, важнейшие факторы, способствующие возрождению и превращению в государственный «уснувшего языка», рассматриваем политические, геополитические факторы, которые создают разные конфигурации сил в мире. Жанна Викторовна показала нам большой Тюркский мир, где сейчас мы обсуждаем те же вопросы: «Давайте создадим один тюркский язык или средний язык, или выберем какой-то общий язык, который будет понятен всем тюркским народам». Такие проекты образуются, насколько они жизнеспособны или насколько они, скажем, небезопасны для разных языков, это очень большая тема. Мне чрезвычайно многое легло на душу и из того, о чем рассказала Жанна Викторовна по поводу психических и социальных травм, и по поводу оживления «уснувшего языка». Я принадлежу к тому народу, у которого «уснувший язык», практически уснувший. Тут можно разные термины использовать «приятные» или «неприятные», «травмирующие» или «не травмирующие», но если народ составляет 12 % от всего населения Хакасии, а сейчас последняя перепись показала, что нас на десять тысяч <стало> меньше... Сейчас нас, хакасов, 80 тысяч, а в самой Хакасии до недавнего времени проживало 60 тысяч. При этом мы Республика, и мы пытаемся серьезными государственными методами, ресурсами хоть как-то эти проблемы решить. Я принимала участие почти во всех программах по сохранению и развитию языков народов Республики Хакасия. Я вижу динамику и могу согласиться с нашими первыми выступающими. Они замечательно нам рассказали, что происходит на Северо-Западе нашей страны. Так вот, все то же самое происходит и у нас: скрытая боль, тревожность и, в конце концов, социальная травма. Исторические корни этого явления лежат совсем глубоко, когда тот или иной субъект-носитель языка заранее занесен в низкоранговую группу. В империи это были «инородцы», в советское время это был «советский народ», «бытовой национализм» – мы не можем и о нем забыть, потому что не секрет, что категорически запрещалось говорить на родном языке в транспорте и практически везде, во всех публичных местах. Нам разрешено было сохранить свой язык только как бытовой – семья и дом.

С некоторых пор мы, слава Богу, начали как-то решать проблему на системном уровне, повторяя целевую программу развития школ и все остальное. Существенный момент здесь, это же важно, язык. Сегодня несколько раз прозвучало: «Давайте больше дадим часов на преподавание родного языка». Нет, так это не работает. Давайте сделаем начальную школу, где это будет язык обучения, а не язык преподавания. Не секрет, как мы все на английском говорим замечательно, хотя мы ему учились с незапамятных времен. Еще хочу сказать, что региональные власти идут по формальному пути, потому что я же видела, как эти программы создаются. «Каждый год на один процент мы должны охватить больше!» На самом деле мы не знаем свой язык просто, наверное, потому, что у нас есть вот эти вот глубокие травмы, передаваемые из поколения в поколение: «Не надо говорить в публичном

пространстве на родном языке!» И еще один момент, наш замечательный молодой коллега говорит о том, что важно передавать языки поколенчески. Но вы знаете, сейчас складывается обратная пропорциональность. Например, вот я принадлежу уже, как это ни печально, к разряду бабушек, жизнь она такая, так сложилось. Я – категория бабушек, потому что за мной уже нет поколения, которое бы говорило на родном языке, их почти уже нет. И мне передать некому. Мой ребенок говорит, но как говорит, скажем так, он почти не говорит на родном языке. Нет этой поколенческой преемственности, к сожалению. Мы организуем конкурсы, всевозможные проекты, там все работают с энтузиазмом. Но нет, язык, таким образом, не возродится. Есть внутренняя травма, что это язык не востребовавшийся, он тебе не нужен будет, и, слава Богу, ты заплатил за курсы, и на этом всё, ну, песенку спел. Это чрезвычайно сложная проблема. Она, мне кажется, находится где-то глубоко в психике, в социальной психике. Спасибо.

Кошелева Ж. В. Я с Вами абсолютно согласна. Язык – это то, где в глубинных слоях будет любовь, нежность, это сложные процессы контакта психического, кожа к коже, потому что язык не дается на имитационном уровне. Нет, нет, нет. Для того, чтобы сформировался язык, необходима предтеча в психике. Благодарю Вас!

Изгарская А. А. В заключение нашего вебинара я хочу предоставить слово нашим докладчикам. Пожалуйста, А. А. Шумков и Л. А. Ульяницкая.

Ульяницкая Л. А. Единственное, что я хочу добавить, что я не буду спорить с тезисами о том, что есть язык и где он зарождается. Я не скажу, что мы не сталкиваемся с вопросами и ситуациями, когда сами представители народностей отказываются говорить на своем языке и говорят о его ненужности, о пользе русского языка. И когда же родители в республиках выбирают изучение русского языка вместо родного для своих детей. Это все есть. И это важный момент для возрождения языков. Но тут всех социолингвистов можно поделить на два лагеря. Одни скажут, что с этим нельзя ничего поделать, это нужно прорабатывать глубинный уровень и не понять, почему само языковое сообщество не хочет возрождать свой язык. Другие социолингвисты будут говорить, что нужно немножечко подтолкнуть языковое сообщество, и пример, который я уже упоминала, а именно создание языковых гнезд, где создается искусственная среда, в которую погружают малышей и у них нет никакого другого варианта, как говорить на родном языке. К этому можно относиться по-разному. Я считаю, что этот вариант может дать свои положительные плоды, как это произошло с инари-саамским языком финнов, у которого сейчас около трехсот носителей. Спасибо.

Шумков А. А. Я хотел бы подключиться ко второму докладу, но вначале продолжу примеры языковых гнезд. То, что нам ближе, а именно пример Финляндии, возрождение саамского языка, то же самое было с ивритом. Были организованы детские сады на основе древнееврейского языка, доведенного до современного уровня. Фактически то же самое было с турецким языком, в немалой степени это было и с чешским. Есть в истории лингвистики такие примеры. Но все же я хотел бы присоединиться к Жанне Викторовне с ее совершенно великолепным тезисом о том, что язык не дается на имитационном уровне. Конечно, какая-то имитация, искусственность существует, даже вот я сегодня радовался возможностям сохранения, фиксации, можно сказать «заморозки» языкового материала. Имитационный уровень, который сопровождается чем-то более чувственным, какой-то псевдонастоящей средой с психическим наполнением, расположенной к тому, чтобы язык усваивался так, как нужно.

Ульяническая Л. А. А у меня есть контраргумент. А Вы знаете, что уже выросли целые поколения детей с эсперанто? Что Вы скажете на это? Это не имитационный уровень?

Шумков А. А. Я считаю, что этот случай имеет мало отношения к естественному языку. Это случай, который нужно разбирать в какой-нибудь интерлингвистике, но не в общей лингвистике, о которой мы здесь все говорили. Интерлингвистика – совсем другое дело. Тут и эсперанто, и все искусственные языки. Неровен час, мы тоже будем через интернет общаться смайликами, эмодзи. Поэтому это другой вопрос. Коллеги, большое спасибо!

Кошелева Ж. В. Я очень благодарна, коллеги, тому отклику, который вы мне дали. Когда что-то происходит первый раз, это всегда очень волнительно. Я рада и, мне кажется, что у нас с вами получилось, у нас получилось друг друга услышать, понять там, где мы можем. Сейчас я много перевожу текстов и встретила понятие «*лингвистическое гостеприимство*». Оно мне кажется важным. Мне бы хотелось немножечко проинтерпретировать ситуацию, которая сложилась у нас сейчас. Даже в этом словосочетании «языковое гнездо», слово «гнездо», оно ведет за собой ряд ассоциаций, которые указывают, что мы находимся в позитиве психики, а если мы затронем негатив психики, то оно там тоже будет как-то репрезентироваться. Я очень благодарна вам за то, что вы позволили мне представить мой доклад и благодарна вашему отклику. Большое спасибо! И я с удовольствием продолжу участие в семинаре, потому что он дает много интересного. Я обязательно прочитаю про карельские языки. Сегодня буду смотреть, где Вы работаете, буду входить в эти детали, которые сегодня меня вдохновили, очаровали и восхитили. Это и есть суть нашего вебинара, чтобы потом проработать все то, что мы обсуждали. Благодарю вас!

Изгарская А. А. Коллеги, у нас сегодня получился очень мощный, интересный вебинар! Спасибо всем за работу! Следующая наша встреча состоится 25 февраля, тема вебинара: «Философия, теория и практика образования: взгляд в будущее».

Список источников

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Винникотт Д. В. От педиатрии к психоанализу. М.: ИОИ, 2019. 520 с.
3. Закон Республики Карелия от 19 марта 2004 г. «О Государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в республике Карелия» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/919316706> (дата обращения: 12.02.2023).
4. Кефели И. Ф. Проблемы обеспечения геополитической безопасности России: материалы заседания Всероссийского научного вебинара по проблемам социальных и гуманитарных наук с международным участием «Соединяем пространства» (26 ноября 2022 г.) // *Respublica Literaria*. 2022. № 4. С. 181–209. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.4.181-209>
5. Камю А. Посторонний. М.: АСТ, 2021. 128 с.
6. Кошелева Ж. В. Психоаналитический кадр – достижение современного психоанализа в работе с пограничными пациентами // *Вопросы охраны психического здоровья*. 2022. № 1. С. 41–47.
7. Манделштам О. Шум времени // Манделштам О. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 347–392.
8. Пфаненштиль И. А. Глобализация, новый мировой порядок или фашизм? // *Теория и история*. 2003. № 3. С. 175–187.
9. Рикёр П. Вызов и счастье перевода // *Логос*. 2011. № 5–6. С. 148–153.

10. Список языков России и статусы их витальности / Ю. Б. Коряков, Т. И. Давидюк, В. С. Харитонов, А. П. Евстигнеева, А. А. Сюрюн [Электронный ресурс]. М.: Монография-препринт, Институт языкознания РАН, 2022. 80 с. URL: [http://jazykirf.iling-ran.ru/\(2022\)_Spisok_jazykov_Rossii_Monograph.pdf](http://jazykirf.iling-ran.ru/(2022)_Spisok_jazykov_Rossii_Monograph.pdf) (дата обращения: 12.02.2023).
11. Фокин С. Перевод как незадача русской философии. Шестов. Бахтин. Подорога... Пушкин // Логос. 2011. № 5. С. 212–236.
12. Фрейд З. Письмо З. Фрейда – Ромену Роллану (29.01.1936). Расстройство памяти на Акрополе [Электронный ресурс]. URL: <https://freudproject.ru/?p=668> (дата обращения: 12.02.2023).
13. Фрейд З. Об истерии. М.: ERGO, 2019. 72 с.
14. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Изд-во «Э», 2017. 560 с.
15. Фрейд З. Из истории одного инфантильного невроза // Зигмунд Фрейд: знаменитые случаи из практики. М.: Когито-Центр, 2007. С. 263–270.
16. Шварц Е. Л. Тень. Сказка в трех действиях. М.: Детская литература, 2001.
17. Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20220215051145/http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения: 12.02.2023).
18. Botella C., Botella S. La figurabilité psychique. Paris, 2007. 253 p.
19. Green A. Illusion et désillusion du travail psychanalytique. Paris: Odile Jacob Publishing, 2010. 290 p.
20. Green A. Le travail du négatif. Paris: Editions de Minuit, 1993. 397 p.
21. Katchalov P. Séquelles des traumatismes psychiques vécus par leurs ancêtres chez les Russes contemporains // Perspectives Psy. 2017. Vol. 56, Issue 2. Pp. 181–188. DOI: <https://doi.org/10.1051/pps/2017562181>

References

1. Benveniste E. *General Linguistics*. Moscow: Progress Publ., 1974, 447 p. (In Russian)
2. Winnicott D. V. *From Pediatrics to Psychoanalysis*. Moscow: Publishing House of Institute for General Humanitarian Studies, 2019, 520 p. (In Russian)
3. Law of the Republic of Karelia dated March 19, 2004 “On State Support for the Karelian, Vepsian and Finnish Languages in the Republic of Karelia” [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/919316706> (date of access: 12.02.2023). (In Russian)
4. Kefeli I. F. Problems of Ensuring Russia’s Geopolitical Security. Materials of the Meeting of the All-Russian Scientific Webinar on the Problems of Social Sciences and Humanities with International Participation “Connecting Spaces” (26 November 2022). *Respublica Literaria*, 2022, no. 4, pp.181–209. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.4.181-209> (In Russian)
5. Camus A. *Outsider*. Moscow: AST Publ., 2021, 128 p. (In Russian)
6. Kosheleva Zh. V. Psychoanalytic Frame – the Achievement of Modern Psychoanalysis in Work with Borderline Patients. *Questions of Mental Health*, 2022, no. 1, pp. 41–47. (In Russian)
7. Mandelstam O. Noise of time. *Mandelstam O. Collected works: in 2 vol. Vol. 2*. Moscow: Art-Bisnes Centr Publ., 1993, pp. 347–392. (In Russian)
8. Pfanenshtil I. A. Globalization, New World Order or Fascism? *Theory and History*, 2003, no. 3, pp. 175–187. (In Russian)
9. Ricoeur P. Challenge and happiness of translation. *Logos*, 2011, no. 5–6, pp. 148–153. (In Russian)
10. *List of Languages of Russia and the Status of Their Vitality*. Yu. B. Koryakov, T. I. Davidyuk, V. S. Kharitonov, A. P. Evstigneeva, A. A. Syuryun [Electronic resource]. Moscow: Monographiya-preprint Publ., Institute of Linguistics RAS Publ., 2022, 80 p. URL: [http://jazykirf.iling-ran.ru/\(2022\)_Spisok_jazykov_Rossii_Monograph.pdf](http://jazykirf.iling-ran.ru/(2022)_Spisok_jazykov_Rossii_Monograph.pdf) (date of access: 12.02.2023). (In Russian)

11. Fokin S. Translation as the Bad Luck of Russian Philosophy. Shestov. Bakhtin. Road... Pushkin. *Logos*, 2011, no. 5, pp. 212–236. (In Russian)
12. Freud S. *Letter from S. Freud to Romain Rolland (01.29.1936). Memory disorder on the Acropolis* [Electronic resource]. URL: <https://freudproject.ru/?p=668> (date of access: 12.02.2023). (In Russian)
13. Freud S. *About Hysteria*. Moscow: ERGO Publ., 2019. 72 p. (In Russian)
14. Freud S. *The Interpretation of Dreams*. Moscow: EKSMO Publ., 2017, 560 p. (In Russian)
15. Freud S. From the History of One Infantile Neurosis. *Sigmund Freud: Famous Cases from Practice*. Moscow: Cogito-Centr Publ., 2007, pp. 263–270. (In Russian)
16. Schwartz E. L. *Shadow. A fairy tale in three acts*. Moscow: Detskaya literatura Publ., 2001. (In Russian)
17. *Atlas of the World's Languages in Danger* [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20220215051145/http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (date of access: 12.02.2023).
18. Botella C., Botella S. *La figurabilité psychique*. Paris, 2007. 253 p. (In French)
19. Green A. *Illusion et désillusion du travail psychanalytique*. Paris: Odile Jacob Publishing, 2010, 290 p. (In French)
20. Green A. *Le travail du négatif*. Paris: Editions de Minuit Publ., 1993, 397 p. (In French)
21. Katchalov P. Séquelles des traumatismes psychiques vécus par leurs ancêtres chez les russes contemporains. *Perspectives Psy*, 2017, vol. 56, no. 2, pp. 181–188. (In French) DOI: <https://doi.org/10.1051/ppsyp/2017562181>

Информация об авторах

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>, noizen@mail.ru

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>, ulianitckaia_liubov@mail.ru

Кошелева Жанна Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент учебно-методического отдела, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, председатель Правления Московского общества психоаналитиков, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0205-1568>, jeanna.kosheleva@gmail.com

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>, yuripopkov54@mail.ru

Анжиганова Лариса Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5073-2504>, alv_9@mail.ru

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры права и философии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>, aizgarskaya@gmail.com

Information of the Authors

Andrey A. Shumkov – Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-7326-4371>, noizen@mail.ru

Lyubov A. Ulyanitskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>, ulianitckaia_liubov@mail.ru

Zhanna V. Kosheleva – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Educational and Methodological Department, V. P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Chairman of the Board of the Moscow Society of Psychoanalysts, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0205-1568>, jeanna.kosheleva@gmail.com

Yuri V. Popkov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Social and Law Studies, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>, yuripopkov54@mail.ru

Larisa V. Anzhiganova – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of History, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5073-2504>, alv_9@mail.ru

Anna A. Izgarskaya – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Social and Legal Research, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Law and Philosophy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>, aizgarskaya@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Authors' contribution: Authors have all made an equivalent contribution to preparing the article for publication.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.**

Поступила: 26.04.2023

Одобрена после рецензирования: 24.05.2023

Принята к публикации: 26.06.2023

Received: 26.04.2023

Approved after peer review: 24.05.2023

Accepted for publication: 26.06.2023

